

РИСК

КРЫШЕШН СНАЯ СЕРИЯ

С . Т . Э Б Б И

Они забрали слишком много.
Оставили слишком мало.
Мне было нечего терять... до него.

Я не ждала его.
Я не хотела влюбляться.
Я не могу отпустить его.
Логан Беннетт делает мир безопасным местом.
Он великолепен.
Он – герой.
Он запирает монстров.
Но пока он спасает жизни, я их отнимаю. Собираю долги, принадлежащие мне.
Десять лет назад они убили меня.
Они должны были убедиться, что я мертва.
Теперь я заберу их жизни.
Одно имя за раз.
Я очень долго тренировалась.
Я была терпеливой.
Я не могу остановиться сейчас.
Мсть – это блюдо, которое нужно подавать холодным.
Они никогда не поймут, что я рядом, пока я не разрисую их стены красным.
Логан не знает, как сильно они обидели меня.
Не знает о криках, которые они игнорировали.
Не знает, как сложен этот город на самом деле.
Он просто знает, что люди умирают.
Он еще не в курсе, что полюбил убийцу.
Никто не подозревает умершую девушку.
И Логан не догадывается, кто спит в его постели.
Они ищут монстра.
Не девушку, что любит красный.
Ту, что влюблена.
Я их безликий кошмар.
По крайней мере, пока не расскажу всем историю, которая, по их мнению, никогда не случалась.

Но что решит Логан в итоге? Или они все сгорят в моей мести?

Переводчик и оформитель: Маргарита Волкова

Редактор: Анастасия Каменчукова

Вычитка: Дарья Рузняева

Обложка: Мария Корзун

Пролог

Тим Гувер

Чак Косби

Нейтан Мэлоун

Джереми Хейт

Так много имен, которые нужно зачеркнуть...

Эйнштейн говорил: «Слабые мстят, сильные прощают, счастливые забывают!».

К черту это! В этом Эйнштейн был не прав.

Мсть – это блюдо, которое нужно подавать холодным...

Не могу не согласиться. Когда придет время, они не будут готовы к тому, что я иду за ними. Их крики станут музыкой для моих ушей.

Глава 1

Я люблю человечность, но ненавижу людей.

А. Эйнштейн

Лана

– Ты выглядишь так, будто тебя бросили, – обращаясь ко мне, говорит незнакомый парень. Я всматриваюсь в свой телефон, осторожно кликая на экран блокировки, чтобы он не мог увидеть, что я за ним наблюдаю.

Поднимая глаза, я выгибаю бровь и начинаю демонстративно изучать его: симпатичный, двадцать с небольшим, надменная улыбка, доминантная поза... Но он определенно не на ту напал.

– Вообще-то, мне нравится есть одной, – говорю я ему с милой свали-нахрен улыбкой.

Он не понимает намека, потому что его глаза сужаются, выражая решимость. Мужчин манят вызовы. Я должна была догадаться.

– Я – Крейг. А ты... – он позволяет своим словам оборваться, рассматривая меня, но я ничего не отвечаю, молча пригубив свой кофе. – Если ты не скажешь мне свое имя, я буду звать тебя Красавицей.

Как оригинально.

Его попытка польстить явно не заготовлена и, безусловно, недостаточно продумана. Очевидно, он привык добиваться всего, не особо напрягаясь, что означает, что парень никогда не прилагает особых усилий для получения желаемого. Учитывая его дорогой костюм и заметную привлекательность, я не удивлена.

Большинство женщин не обратят внимания на его высокомерие, замороженные дерзостью, которую, вероятно, найдут очаровательной.

Но я – не большинство.

– Как насчет того, чтобы называть меня «Не заинтересована»? Потому что это наиболее уместное описание ситуации, – говорю я ему, расслабленно откидываясь на спинку стула и продолжая держать его в поле зрения.

– Очевидно, что у тебя не лучший обзор, – продолжает он, откидываясь назад и практически вставая в позу, которая демонстрирует мне его наглую задницу.

– Я увидела более чем достаточно и, по-прежнему, не заинтересована.

Помрачнев, он отступает.

– Хорошо. К черту. Так или иначе, не хочу получить обморожение члена, – говорит он, прежде чем вернуться к столику, за которым сидит другой парень.

Солнце не радуется своим присутствием, учитывая пасмурную погоду. Всего лишь несколько человек выбрали патио вместо внутренней части кофейни, потому что, похоже, скоро пойдет дождь. Несмотря на то, что они сидели через несколько столов, я могла видеть, как его друг смеется и качает головой, пока мистер Высокомерие садится на свое место угрюмый и раздраженный.

Я продолжаю просмотр фотографий на своем телефоне, пока не ощущаю на себе взгляд. Парень, что ожидал за столом, рассматривает меня и не отводит взгляд, когда я ловлю его на подсматривании. Я бы сказала, что он пытается меня прочесть, прямо как я его.

Он тоже выглядит неплохо, но его костюм не такой дорогой, как на первом парне. По моим наблюдениям – они коллеги, но почему один одет лучше, чем другой, если у них одна и та же работа? Он не кажется заискивающим или подобострастным, как если бы работал на мистера Высокомерие. Что означает, они равны, но получают неодинаковую зарплату? Или, возможно, мистер Высокомерие при деньгах, а этот парень – нет?

Равнодушно возвращаюсь к телефону, делая вид, что не замечаю его пристального взгляда. Допив свой кофе и проверив день Д, прошу официантку принести счет.

– Он уже оплачен, – говорит она, мягко улыбаясь и сверкая глазами. – Вы также уже оставили чаевые, – добавляет она, подмигивая. – И неплохие.

Я поднимаю брови, и она движением головы указывает, как мужчина выходит из внутреннего дворика. Мистера Высокомерие нигде не видно.

– Он поблагодарил вас за развлечение, – продолжает она рассказывать мне, обмахиваясь и наблюдая, как он идет к черному внедорожнику.

– Спасибо, – отвечаю ей, вставая и направляясь к выходу.

Никакого флирта, никаких страстных взглядов, и он не подождал, чтобы посмотреть, подойду ли я к нему после того, как он заплатил за мою еду. Мне не нравится, когда люди милы без причины. Сообщать, что я его развлекла, недостаточно.

Мои глаза следят за молчаливым парнем, когда он задерживается около внедорожника. Он разговаривает по телефону, но слишком тихо, чтобы я могла слышать его слова с такого расстояния. Я также вижу мистера Высокомерие, который беседует с красивой девушкой возле соседнего магазина. Она кажется гораздо заинтересованнее меня.

Решив утолить свое любопытство, я направилась к молчаливому парню, когда он заканчивает разговор. Я подхожу ближе и его глаза встречаются с моими. Брови парня удивленно поднимаются, когда я вытаскиваю двадцатку.

– Я не позволяю незнакомым мужчинам платить за свою еду. Мама воспитала меня лучше, – говорю я ему, потряхивая деньгами перед его лицом.

Медленная усмешка расплзается по его полным губам, полностью преображая его лицо. Его темно-русые волосы чистые и намеренно взъерошены, чтобы казаться сексуальными. Жесткая, точеная челюсть резко контрастирует с его мягкими голубыми глазами. Он выглядит грубым и нежным одновременно, что путает меня. Я действительно не могу прочесть его.

– Я не смог бы получить более интересное шоу за такие смешные деньги. Поверь мне, это стоило дороже, – говорит он, пожимая плечами и убирая руки и телефон в карманы.

Парень без слов показывает мне, что не станет брать мои деньги.

Но я настойчивая, и трясусь двадцаткой снова.

– Я настаиваю. Спасибо, но нет.

Он только сильнее ухмыльнулся.

– Ты всегда такая ершистая? – раздумывает он. – Постоянно беспокоишься о намерениях других? Или это крайне феминистская позиция, так как ты напрягаешься от того, что мужчина оплачивает твой кофе и кекс?

Он читает меня. Я знаю это.

Дешевый костюм внезапно обретает смысл, как и черный внедорожник.

– Ты из ФБР, – заключаю я, беря в расчет, что Куантико не так уж далеко.

Его ухмылка становится шире.

– Что заставило тебя так думать?

– Например, ты профилируешь меня, что заставляет тебя, скорее всего, быть в подобной сфере, учитывая машину и наряд. У твоего друга дорогой костюм, который он носит, чтобы привлечь внимание, но твой – менее броский. Твоя поза рядом с ним и добродушные шутки в его сторону заставляют меня думать, что вы равны, несмотря на финансовые различия. Поэтому предполагаю, что он родился с золотой ложкой во рту, а ты всего добился собственными силами. Внедорожник нестандартной версии. Тонированные окна слишком темные, чтобы их можно было законно затенить, но я знаю, что ФБР получают определенные льготы из-за рисков безопасности. Итак, я права?

Я вне себя от того, что он продолжает улыбаться, будто он только заинтригован, а не испуган. Я хотела, чтобы он убрался.

– Ты – не психолог, не из ФБР и не связана ни с какими правоохранительными органами, – говорит он, сбивая меня с толку. – Твой наряд – богемный шик, что означает, что ты меньше беспокоишься о своем внешнем виде и больше озабочена комфортом. Ты сидишь одна по собственному желанию и отвергаешь любое внимание, проявленное в твою сторону. На первый взгляд, ты феминистка для своего же блага. С другой стороны, к тебе трудно приблизиться, потому что доверие – не твоя сильная сторона. Это удерживает тебя от страданий, но это также мешает тебе иметь кого-то близкого в своей жизни. Ночью, когда ты закрываешь глаза и позволяешь себе быть уязвимой... это единственное время, когда ты осмеливаешься задаться вопросом, каково это быть не одной.

Я сглатываю ком в горле. Он слишком точно описывает. Я не могу быть столь легко читаемой. Я тренировалась годами.

– У тебя нет животных, учитывая, что на тебе нет ни шерстинки, если, конечно, у тебя нет такого питомца, который не носит шерсть. Тем не менее, я не вижу, чтобы ты позволяла себе привязываться даже к животному, ведь ты знаешь, что, скорее всего, переживешь его, и тебе придется иметь дело с потерей. Ты отстраняешься по необходимости. Видимо, у тебя болезненное прошлое, которое подтолкнуло тебя к этому. Возможно, утрата. Быть может, более чем одна. Может быть, тебя поглотило одиночество, и осталась ты там по своему выбору.

Мое сердце бешено стучит в груди, и я делаю неуверенный шаг назад. Его глаза смягчаются.

– Извини. Я зашел слишком далеко. Прошу прощения, – говорит он мне, когда возвращается мистер Высокомерие.

– Я не потерял свою сноровку. Эта цыпочка просто...

Его слова застывают в воздухе, когда он видит меня прикованную взглядом к мистеру Профайлеру. Я чувствую себя незащищенной, уязвимой и не в своей тарелке. Я не привыкла к такому. Я чертовски усердно работала, чтобы стать крепостью, которую невозможно пробить.

Он просто рушил мои стены, ухватившись за одну правильную нить.

– Захвати несколько бутылок воды. Поездка будет долгой, – говорит он мистери Высокомерие, не отводя от меня взгляда.

Я не знаю, уходит ли он или нет, потому что я слишком занята, глядя прямо в эти нежные голубые глаза, которые действительно кажутся полными раскаяния.

– Жизнь дерьмо, – роняет он. – Затем ты умираешь. Мог бы жить нормально, пока был жив, – добавляет, звуча намного менее проникательно, чем раньше.

Этого достаточно, чтобы разрушить напряжение, и неожиданно улыбка озаряет мое лицо. Он подмигивает, наклоняясь.

– Если тебе когда-нибудь понадобится помощь, чтобы почувствовать себя живой, звони мне. Мне бы также не помешало ощутить немного жизни.

Когда он отступает, я ощущаю что-то в руке, хотя не чувствовала, что он что-то туда положил. Он идет к другой стороне внедорожника, и я пристально смотрю, как он садится.

Наконец, я опускаю глаза к карточке в своих руках, когда мистер Высокомерие возвращается, чтобы занять пассажирское место.

Логан Беннетт...

Его номер прилагался к имени, и, конечно же, он из ФБР. Когда мой взгляд снова поднимается, он опирается на руль, наблюдая за мной. Окно мистера Высокомерие опущено, и он выглядит раздраженным.

– Позвони мне, – говорит Логан, ухмыляясь, прежде чем отъехать от тротуара.

Реальность – всего лишь иллюзия, хотя и очень стойкая. Это сказал Альберт Эйнштейн.

Мой отец всегда цитировал Эйнштейна, как способ объяснить жизнь, когда мы изо всех сил пытались понять его. Я помню, как он повторял его изречения, когда наши жизни развалились. Он причинял боль худшим образом, но старался изо всех сил успокоить нас.

Эйнштейн не помогает мне понять, как же просто меня прочитать. Или насколько уязвимой и незащищенной я чувствую себя в этот момент.

Мой телефон вибрирует в руке, и я смотрю вниз, видя напоминание, которое я установила.

Мне нужно быть собранной. Мне необходимо быть хладнокровной. Пустяк мог пробить брешь, когда мне нужно выполнить план, над которым я слишком долго работала.

Отбросив остаточную слабость, я резко вдыхаю и иду к своей машине. Я проезжаю пятнадцать миль. Нахожу дом, который мне нужен, но проезжаю мимо. Я паркуюсь в заброшенном сарае, прежде чем надеть перчатки, костюм и тяжелые мужские ботинки. Я также привязываю рюкзаки, утяжеленные камнями... Один – к спине, другой – на груди.

Стараясь оставаться незамеченной, я подхожу к дому, открываю дверь и молча снимаю рюкзаки, осторожно положив их на стул.

В моем кошельке есть все, что мне нужно, поэтому я держу его при себе. Затем в ход идут тяжелые ботинки, и я молча помещаю их поверх своего рюкзака.

Движение наверху привлекает мое внимание, и я медленно пробираюсь к лестнице, стараясь, чтобы мои шаги были легкими и бесшумными. Я изучала пол в течение месяца, чтобы знать каждое место, которое может скрипнуть.

Я знаю его режим дня лучше, чем собственный. Точно также как знаю, что через пять минут польется вода.

И, разумеется, старые трубы гудят, когда вода начинает поступать в них. Это сигнал для меня. Я поднимаюсь по лестнице, игнорируя скрип, потому что он не может слышать этот

звук при таком громком душе.

Когда я добираюсь до его комнаты, мой взгляд падает на кровать. Я знаю, что он живет один, но всегда беспокоюсь о том, чтобы не столкнуться со случайной женщиной. Я наблюдала за камерами со своего телефона, и они показали отсутствие гостей, но это все еще та мысль, которая всегда тревожит меня.

Я с облегчением выдыхаю, когда не замечаю следов чужого пребывания. Только Бен и его обычный грязный дом.

Душ выключается, и я уже готова и на позиции. Жизнь была бы проще, если бы я могла использовать электрошокер или седативные. Правда.

Как только он проходит с полотенцем вокруг талии мимо меня, мой нож скользит, жестко врезаясь в его плоть. Вопль пронзает мои уши, и я понимаю, что момент слабости с мистером Профайлером не повлиял на меня слишком сильно. Как же хорошо звучат эти крики!

Я работала ради этого слишком долго и усердно. Я должна была знать, что один человек не разрушит мои границы.

Бен падает на пол, крича в агонии, пока сжимает свою ногу. Полотенце сползает, обнажая каждый дюйм его тела перед моими глазами.

Меня затошнило.

Но ужас в его глазах? Это приносит удовольствие.

– Какого черта? Бери все, что хочешь! – кричит он, всхлипывая, когда я приближаюсь, наблюдая за мной широко открытыми испуганными глазами.

Я получаю удовольствие от его ужаса. Хочу заставить его рыдать гораздо, гораздо дольше.

– Все, чего я хочу, чтобы ты знал мое имя, – говорю я тихо, пугающе.

Его глаза расширяются сильнее, и он бледнеет, когда я поднимаю окровавленный нож и пробегаю пальцем по обратной стороне лезвия.

– Прошу, не надо, – умоляет он, проваливая попытку встать.

Он ударит меня, как только получит шанс. Я не настолько глупа, чтобы подходить близко.

Я вытаскиваю провод из заднего кармана и наблюдаю за ним, пока он смотрит на меня.

– Не узнаешь меня, Бен? – спрашиваю я с издевкой, наклоняя голову. Десять операций назад он бы меня узнал незамедлительно.

– Нет. Нет, – плачет он. – Я не знаю тебя. Ты выбрала не того парня!

Я приседаю, замечая, как его взгляд меняет направление. Сейчас он готовится напасть на меня, когда я нахожусь в такой позе. Он находит это ошибкой с моей стороны.

Если бы он только знал...

– Я была шестнадцатилетней маленькой девочкой, когда ты видел меня последний раз, – говорю я с темной улыбкой на губах. – Я выросла. Хочешь поиграть?

Последние два слова стали толчком к узнаванию. Я вижу, как его зрачки расширяются, его ноздри трепещут, и понимание появляется на его лице.

– Ты, – шепчет он. – Нет. Нет. Ты не похожа на нее. Она умерла, – добавляет он тем же тихим тоном.

– Я жива, – отвечаю я, наблюдая, как его страх медленно начинает угасать, как я себе и представляла.

Прямо сейчас он вспоминает, насколько слабой я была, такой ужасно испуганной

рыдающей девочкой. Он вспоминает, как легко одолел меня. Его разум притворяется, что он все еще контролирует ситуацию, несмотря на смертельную опасность.

– У тебя три превращения, – продолжаю я. Оставаясь уверенной и готовой к нападению, я внешне демонстрирую слабость, которой в действительности нет. Я позволяю его разуму продолжать возвращаться к той ночи десять лет назад.

– Это означает три фунта плоти в течение следующих трех дней, – продолжаю я.

Я вижу, как это происходит, прежде чем он кидается на меня. Крича от боли, он пытается повалить меня на пол. Мой нож вспарывает его плечо, и раздается еще один крик. Я кручусь на коленях, скольжу ему за спину, и впечатываю его лицо в пол.

Нож все еще в моей руке, и я молниеносно выбрасываю его, одновременно бросая провод вокруг его шеи и плотно затягивая. Я сжимаю его горло, наслаждаясь болезненными звуками. Он становится вялым, теряя сознание, находится между жизнью и смертью. Из-за потерянной крови он слишком слаб, чтобы сопротивляться. Было бы так легко убить его прямо сейчас.

Но смерть не придет так скоро.

Я больше не верю в милосердие.

Три фунта плоти будут извлечены, когда он проснется.

Он будет просить и умолять.

Будет унижаться до потери сознания.

Но он почувствует все.

История повторяется.

Глава 2

Как человеческие существа, одни были одарены достаточным интеллектом, чтобы четко увидеть, каким крайне малым этот интеллект становится, когда сталкивается с реальностью.

А. Эйнштейн.

Логан

Я доедаю свой круассан, пока смотрю фотографии с места преступления.

Кровь размазана по стенам кистью, как и в других четырех случаях, которые нам удалось связать. Это одна из немногих вещей, которая остается последовательной. Преступник всегда окрашивает стены кровью жертвы.

– Как ты можешь есть, пока смотришь на такое? – спрашивает Элис, морща носик и присаживаясь на край моего стола.

– Что они нашли на Бена Харриса? – спрашиваю я, игнорируя вопрос.

– По оценке судмедэкспертов, его пытали в течение последних трех дней. От него отрезали части тела, прямо как от остальных. Включая пенис, – вздохнула она.

Это заставляет меня поежиться, как и любого другого мужчину. Одна из фотографий должна быть с отрезанным членом?

– Все его пальцы ампутированы, – продолжает она, указывая на одно фото, на котором изображены десять отрезанных пальцев, лежащие на земле. – Его грудь медленно разрезали кусочек за кусочком. Преступник останавливал кровотечение каждый раз, используя варварский метод прижигания. Он хотел, чтобы жертва была жива все эти три дня. Его

пенис был последним, чего он лишился. Были найдены следы связывания, цепи свисали с балок цокольного этажа. Мы полагаем, что преступник остается верен своему профилю, оставляя жертву повешенной в собственном доме. До сих пор, все мужчины имели изолированные дома, слишком далеко стоящие от соседей, чтобы услышать или увидеть хоть что-то. И он делает все собственноручно. Его удары продуманы, тщательно и подробно спланированы, даже если мы не понимаем смысла этих деталей.

– Преступник может быть женщиной, учитывая затрагивание паха во всех убийствах, – говорит Крейг, содрогаясь, когда присоединяется к нашему разговору. – Только женщина станет отрезать мужскую мошонку.

– Серийные убийцы женского пола, согласно статистике, не пытаются своих жертв. Они на самом деле намного рациональнее, и из-за этого их труднее выследить, – говорит Элис пренебрежительно.

– Что ж, он может быть импотентом. Большинство серийных убийц такие, – подходя к нам, присоединяется к разговору Алан.

Есть причина, по которой он и Крейг не являются профайлерами.

– Мне кажется, что преступник – сексуальный садист, – объясняет Элис. – Импотенция, вероятно, играет определенную роль, но просто назвать его импотентом – это не профиль.

– То есть он немощный сексуальный садист? – спрашивает Крейг в замешательстве.

– Сексуальные садисты часто лишены мужской силы, и они ищут свою сексуальную разрядку посредством пыток. Никаких признаков изнасилования обнаружено не было, но, скорее всего, преступник еще не эволюционирует и не набрался уверенности, чтобы насилловать мужчин.

– Сексуальный садист – гей? – продолжает Крейг, все еще потерянный.

– Да, — говорит Элис, кивая.

– По словам свидетелей, все жертвы мужчины были традиционной сексуальной ориентации. Если бы они были геями, эта теория имела бы смысл, – добавляю я. – Все пятеро были из одного города, но нет ни одного подозреваемого, кто мог бы желать убить всех пятерых. Как бы то ни было, мы что-то упускаем.

– Следы мужской обуви двенадцатого размера оставили грязь по дороге в дом. Отпечаток плотный от пятки до пальцев. Наш эксперт говорит, что подозреваемый весит около девяноста шести килограмм, – поясняет Элис.

– Он должен быть физически подготовлен, чтобы быть в состоянии одолеть этих мужчин так, как это делает наш убийца. И крупного телосложения, скорее всего. Преступник подавляет их явной грубой силой. Изначально он убивал только альфа, что привело к тому, что профиль был альфа-серийным. Но Бен, хотя и был физически здоров и силен, был очень ведомым по жизни. Именно поэтому он был настолько успешным, потому что ему нравилось быть второй скрипкой.

– Начиная с последнего убийства, сексуальный садизм гораздо более вероятен. Там может быть сексуально расстроенный триггер, который должен сузить наш поиск. Мы также должны конкретизировать профиль. Что еще мы знаем о жертвах?

– Все эти ребята были лучшими на своих занятиях в колледже, от двадцати трех до двадцати восьми лет. Связывает их только родной город и их изолированные дома. Они не поддерживали связь, хотя и дружили, когда жили там. Возможно, подозреваемый ненавидит весь город, но почему? Это часть мести?

– Возможно, – говорю я скорее себе, чем Элис.

Один убит в Бостоне. Другой в Денвере. В Лонг-Айленде. В Мэне. И сейчас на нашем заднем дворе — в Вирджинии. Этот тип отмечился на всей карте, оставляя грязь на всем протяжении своей охоты.

Это может показаться случайным, если бы мы не установили, что все жертвы родом из одного места. Их не связывает одно учебное заведение. Трое из них ходили в частные школы в других городах. Таким образом, очевидно, что это не вендетта за школьные обиды. С учетом разницы в возрасте у жертв, они не могли учиться в одном классе.

– Об убийствах не сообщалось в СМИ, – издаю я стон. – Если бы трупов было всего два я бы назвал это совпадением. Но это пятая жертва родом оттуда, но убийств в пределах самого города нет. Что мы знаем о городе?

– Немного. Очень немного. Население – пятьсот человек. В прошедшие три года ничего реально интересного в новостях, кроме волка, который напал на человека на его пастбище. Очень религиозный город.

– Маленькие религиозные города печально известны тем, что там приходится тяжело гомосексуалистам. Особенно мелкие фермерские города. Вы с Леонардом отправляйтесь туда и посмотрите, что сможете узнать. Спрашивайте о физически здоровом мужчине выше шести футов в возрасте от двадцати до тридцати пяти лет, который, возможно, гей или проявлял интерес к мужчинам. Учитывая религиозный аспект, объект не уверен в себе. Спрашивайте, кто демонстрирует нервную реакцию после контакта с мужчинами. Все мужчины, убитые до сих пор, были физически здоровыми, одинокими, привлекательными и с очень беспорядочными половыми связями. Возможно, у преступника были чувства к ним в какой-то момент времени, и они не ответили взаимностью.

Я сжимаю губы, недоумевая, чего нам не хватает. Профиль кажется сплошным, и доказательства подтверждают это, но что-то не складывается. Мы должны были установить связь раньше, но все убийства произошли в разных городах и у нас были только предположения. Связь стала ясна только через две недели, после четвертой жертвы.

– Мне нужно что-то еще отметить в профиле, прежде чем отправить его в полицейский департамент города?

– Да, – говорю я, присаживаясь и изучая фотографии. – Преступнику удалось беспрепятственно войти в каждый дом. Либо жертвы знают этого человека и доверяют ему достаточно, чтобы впустить его, либо двери были открыты. Скажите им, что наш убийца должен был общаться с жертвами, чтобы установить этот контакт. Кроме того, выяснили, что взято как трофей? У преступника есть личная привязанность к этим людям, и у него есть садистская фантазия, которую он проигрывает с каждой жертвой, хотя изнасилование пока еще не является частью фантазии. Очевидно, что он сейчас балдеет от пыток в одиночестве, но, учитывая длительный перерыв между убийствами, ему нужно что-то брать с собой. Он определенно берет трофей.

Один месяц между каждым убийством. Временные рамки неизменны, и это не похоже на то, что убийца слетит с катушек в ближайшее время, или вообще когда-либо. Я надеялся на быстрое опознание, что заставит его начать ускользать и ошибаться.

– Мы проверили тела. Каждая часть тела не остается без внимания, а волосы не повреждены. Кроме того, ни одна из жертв не осталась без драгоценностей или других личных вещей, но мы не можем утверждать, так как они все жили одни, никто не может рассказать пропало ли что-то.

Мы что-то упускаем, черт подери. И это сводит меня с ума.

– Иди домой и отдохни немного. Ты был здесь всю ночь, – продолжает Элис, положив руку мне на плечо. – Мозги лучше работают после некоторого отдыха.

– Копайте глубже в историю города. Что-то случилось там, о чем мы не знаем, и...

– Отдых, – перебивает она. – Я знаю, как делать свою работу. Ты бесполезен, если не спишь.

Проклиная все, я встаю и закрываю файл, упаковываю его, когда Элис уходит с Леонардом, чтобы отправиться на север Делани Гроув. Это странное название для города, и я знаю, что мне придется поехать туда самому, чтобы получить реальные ответы.

Только я подхожу к двери, как Крейг ловит меня.

– Ледяная принцесса звонила? – спрашивает он, изображая скуку. Но я знаю, его все еще злило, что она проигнорировала его, но обратила внимание на меня. Он рассматривает факты вне контекста и отказывается принять реальный ход событий.

Поэтому он хреновый профайлер, но он хорош во взаимодействии с общественностью – его место в нашей команде.

Я открываю рот, чтобы дать отрицательный ответ, зная, что это порадует его и заставит чувствовать себя комфортнее, но мой телефон звонит. Мои брови взлетают, когда я вижу неизвестный номер.

– Беннетт, – отвечаю я.

– Вы используете свою фамилию при ответе на звонок, будто человек на другом конце линии может не знать, чей номер только что набрал. Это очень некорректное приветствие, которое заставляет меня задаваться вопросом, работаете ли вы с вашими проблемами с отстраненностью, агент Беннетт, – растягивает слова знакомый женский голос.

Моя улыбка сразу же появляется, и я подмигиваю Крейгу, который наблюдает за мной, ожидая, когда я удовлетворю его любопытство.

– Ты на самом деле выжидала стандартные три дня, чтобы позвонить?

– Технически, я выждала нетрадиционные четыре дня.

Верно. Я не спал, так как вчера утром мы нашли последнюю жертву. Я работаю на кофеине и сахаре.

– Извини. Я не спал всю ночь. Другой день не наступает, пока я не посплю, поэтому у меня все еще третий день. Должен ли я ждать четыре дня до следующего твоего звонка? Или я могу использовать этот номер, когда захочу? – спрашиваю я, наблюдая, как Крейг стонет и передергивается, а после уходит.

– Почему ты не спал всю ночь? – спрашивает она, отвлекая от вопроса, который я ей задал.

Это типичная реакция кого-то с проблемами отстранения.

– По работе. Я долго без сна и провёл много времени в дороге. Наверное, мне нужно сказать, что теперь, прежде чем пригласить тебя на свидание, я должен разобраться с вышеупомянутой работой.

Я решаю высказать все сразу, зная, что у нее дефицит доверия. Второй причиной является то, что когда я прочитал ее, она перешла от холода к нападению в мгновение ока. Эти призрачные зеленые глаза были выжжены в моей памяти.

Назовите это комплексом героя, но я сразу же обратил на нее внимание.

– Буду знать. Я тоже скучаю по большинству вещей, и это нормально.

Моя улыбка расширяется, когда она начинает открываться мне.

– Чем ты занимаешься? – спрашиваю я ее.

Она беззаботно смеется, и это чертовски приятный звук. Он ей не подходит. Это легкий, свободный смех, как будто она уже не та девушка, с которой я разговаривал несколько дней назад.

– У меня онлайн-магазин перепродажи и торговая точка. Мой процент я беру от каждой сделки за проверку товара, если сделка выглядит слишком хорошо, чтобы быть правдой. Например, мне, возможно, придется совершить спонтанную поездку посреди ночи, если кто-то из Флориды попытается обменять миллионную яхту на десять тысяч долларов. Я не могу одобрить такую сделку, пока физически не осмотрю товар и не увижу надлежащую документацию. Я могу просто удерживать выплату денег до тех пор, пока имущество не будет передано. Торги, однако, должны выполняться клиентами. Я просто сторонний организатор, который время от времени сует всюду свой нос.

Ее легкая болтовня немного меняет профайл... Я идентифицировал ее как отстраненную и закрытую, а не беззаботную девушку. Возможно, я вне игры, потому что устал. Я слышу непринужденность в ее голосе и это, действительно, сбивает с толку.

– Звучит здорово, – говорю я неубедительно.

– Не всегда. Однажды мне пришлось осмотреть одну из этих «настоящих» кукол. Знаешь? Сексуальные куклы, которые реалистично сделаны, в отличие от надувных. Они стоят около пяти штук, и парень торговал ими, чтобы купить маленького пони... Не бери в голову.

Смешок вылетает из меня, прежде чем я могу сдержать его, и я чувствую ее улыбку.

– Это самая странная вещь, которую ты когда-либо проверяла?

– Осмотр влагилица надувной женщины, оснащенной функцией всасывания во всех отверстиях, не был изюминкой моей карьеры. Это удивительно и только.

И снова я смеюсь, удивляясь, почему ее тумблер переключился из оборонительного в очаровательный за четыре дня.

– Так какая была самая странная? – спрашиваю я ее.

– Услуга за услугу. Какое самое странное дело было у тебя?

Я думаю об этом, пока залезаю в свою машину. Большинство дел, над которыми я работаю, являются серьезными, жестокими и садистскими. Но когда я только начал...

– Я был завербован, когда учился в колледже, после сдачи теста для ФБР. Они решили, что мне нужно работать на них, и я не видел причин спорить. Во всяком случае, мое первое маленькое дело было в Индиане. Это был извращенец, который воровал трусики. На первый взгляд, парень был сексуальным психопатом, который в конечном итоге перейдет на более тяжкие преступления, чем воровство трусов. Они вызвали нас, потому что все эти женщины были в ужасе от того, что сталкер врывается в их дома и крадет их нижнее белье. Но чем глубже я копался, тем больше понимал, что это был несовершеннолетний подросток. Я думал, что у него просто сексуальные фантазии и только потом мы обнаружили, что он крадет трусики не для себя. Он крадет их для своей матери, потому что она всегда ворчала о своем «дешевом нижнем белье, которое врезается между ее булочек». Ты представить себе не можешь, как испугалась его мать, когда мы, наконец, нашли парня. Он еще не отдал ей трусики. Он клал ворованное в коробку, чтобы подарить ей на Рождество.

Она заразительно смеется, и я расслабляюсь на водительском сиденье, выезжая из Куантико и направляясь к своему дому.

– Звучит неловко. Но, по крайней мере, подросток не был сексуальным психопатом, – к ее тону добавляется напряженная нотка, но потом она прочищает горло, пока я зеваю. – Ты

действительно устал. Отпущу тебя.

– Я еду домой. У меня есть полчаса свободного времени. Составь мне компанию.

– Хм-м, думаю, ты все еще хочешь, чтобы я была твоим развлечением.

Моя улыбка увеличивается.

– Я попросил бы больше, чем просто забавный телефонный разговор, но мне нужно вернуться обратно, как только я посплю. У нас открылись новые обстоятельства в одном из наших дел, что означает, что объем работы снова увеличивается.

– Хм-м-м, что бы ты попросил, если бы мог? – спрашивает она так, будто флиртует со мной сейчас, что противоречит осторожности, которую она проявляла всего несколько дней назад.

– Я бы пригласил на ужин. Возможно, на фильм, если ужин пройдет хорошо, и ты не совершишь ошибок, которые могут сорвать свидание.

Она мягко хихикает.

– Какие могут быть ошибки? Пытливый ум и все такое?

– Обычные. Съешь козявку. Выпьешь мочу... Достанешь strapon, которым захочешь меня трахнуть. Я в этом не разбираюсь.

На этот раз она начинает хохотать, и я слушаю, впитывая. Я не знаю, почему мне кажется, что я совершил что-то особенное, заставив ее смеяться. Опять же, что-то мне подсказывает, что она делает это не часто.

– Ну, у меня никогда не было привычки есть козявки. Питье мочи не привлекает меня. У меня будет простое пиво, если я буду в настроении выпить что-то похожее на мочу. И я спрячу свой strapon, пока ты не будешь более спокойно относиться к своей сексуальности, чтобы поддаться этому...

– Наносишь удар по моей сексуальности. Мило, – заявляю я сухо, слушая ее смех еще немного, при этом продолжая улыбаться.

– Итак, как ты профилируешь людей? – задумываюсь я, когда ее смех затихает.

– Как я это делаю? Или зачем я это делаю? – отвечает она.

– И то, и другое.

– Ну, я в большинстве случаев делаю это, основываясь на языке тела при личной встрече и микро-выражениях лица, конечно. Я обращаю внимание на формулировки, когда это текст. Я слушаю тон голоса и интонацию. Я делаю это, потому что запустила этот онлайн-сайт, и ты должен знать обо всей чуши своих пользователей.

– Ты открыла магазин одна? – спрашиваю я, выуживая больше личной информации.

– У меня есть бизнес-партнер. Он держит за собой всю техническую работу, а также разработал программу для определения потенциальных поддельных учетных записей. Это сильно упрощает процесс, хотя мы все еще просеиваем некоторые счета вручную.

– И этот партнер-мужчина просто друг? – спрашиваю я, любопытствуя дальше.

Она колеблется, но потом весело отвечает:

– Если ты спрашиваешь, свободна ли я, то ответ – да. На какое-то время. Я бы не позвонила тебе и не флиртвала, если бы встречалась с кем-то.

– Что ж, это отстойно, что я не могу увидеть тебя сегодня вечером. Боюсь, ты можешь устать ждать, когда я освобожусь. Я буду работать сверхурочно в поисках новых потенциальных зацепок. Но если ты не против кофе, я могу встретиться с тобой в том же месте, где мы встретились, на обратном пути в офис через несколько часов. Скажем, в пять или около того?

– Я предпочитаю кофе по утрам, но ты можешь купить мне маффин. У них замечательные маффины.

– Кофе по утрам, – повторяю я, моя усмешка растет. – Верно подмечено.

– Вы флиртуете со мной, агент Беннетт?

– Только если немного. Ты когда-нибудь скажешь мне свое имя?

– А, точно. Ты же не знаешь моего имени. Опасно разговаривать с незнакомцами, знаешь ли.

– Я в курсе. Я профилирую серийников всю жизнь.

Она крошечное существо с невероятными глазами, но, без шуток, я должен опасаться ее. Я уверен, что она знает, что у меня есть значок, и это успокаивает ее; она предполагает, что все должностные лица, представляющие закон, являются ангелочками с чистыми намерениями. Это наводит меня на мысль, что у нее никогда не было проблем с законом.

– Серийники? – спрашивает она. Ее голос немного дрожит, напоминая мне, что я сказал.

– Серийные преступники. Я перешел от серийных похитителей трусов к серийным убийцам. Надеюсь, это не проблема. Из-за этого у меня были сложности в отношениях в прошлом.

Она прочищает горло.

– Эм, нет, не проблема. Но разве ты не должен хранить такое в тайне от посторонних?

– Это не секретная информация. Я был в новостях раз или два. И, кроме того, я предпочел бы, чтобы мы не были чужими. Так как тебя зовут?

Она делает паузу дольше, чем хотелось бы. Я понимаю ее, но не могу определить степень своей правоты и теряюсь в догадках, почему она спокойна.

– Лана. Лана Майерс. Не стесняйтесь разузнать обо мне все, мистер Профайлер.

Дружелюбный тон вернулся, и я свернул на подъездную дорогу, которая доставит меня домой.

– Предпочту, чтобы ты удивила меня, Лана Майерс. Я только выполню небольшую проверку, чтобы убедиться, что ты не преступница или беглянка. Это может быть проблемой, учитывая мою работу, – говорю я, легко смеясь.

Она тоже смеется, а затем вздыхает.

– Кофе позже? – спрашиваю я ее.

– Маффин, помнишь?

– Точно. Извини. Сон одолевает.

– Увидимся позже, агент Беннетт.

– Определенно, – говорю я ей, зевая, когда я подхожу к своему дому.

Она кладет трубку, и я сразу же печатаю ее имя в сообщении для Хэдли.

Хэдли: Что мне искать?

Я: Только судимости.

Хэдли: Сделано. Она чиста.

Я: Быстро, однако.

Хэдли: Я же говорила.

Посмеиваясь, я убираю телефон и захожу внутрь. Мой мозг истощен, но я все еще сортирую факты дела в голове, думая о том, что мы, возможно, упускаем.

Преступник мучает своих жертв в течение нескольких дней, но не одно и то же количество времени. Три дня в последнем случае. Два дня для первых двух тел. Четыре дня

на третью и четвертую жертвы. Отсутствие согласованности не имеет смысла, как и целенаправленно удаленная кожа. Травмы всегда разные, за исключением удаления проклятого члена. Иногда все пальцы обрезаны. Иногда нет.

Мой дом пуст, тих и немного жутковат, учитывая дело, над которым я работаю. Все жертвы похожи на меня самого. Одинокие. Изолированные. Физически привлекательные. Жили в уединенной местности. Трудоголики.

Мой ближайший сосед находится в миле вниз по дороге.

Долгое время никто не замечает, что жертвы пропали. На работу поступает звонок. Это записанный на пленку мужской голос, как мы догадываемся, учитывая, что текст везде одинаков. Очевидно, что ни одна из компаний не регистрирует эти звонки, поэтому мы должны доверять их информации.

Последнее тело было найдено только потому, что один из коллег жертвы по работе пришел, чтобы выяснить, почему он не являлся на работу четыре дня и не предупредил.

Как-то удручает знание того, что никто за пределами работы ничего не заметил. То же самое относится и ко мне.

Мои глаза сканируют дом по привычке в поиске чего-нибудь необычного. Как только я убеждаюсь, что всё на своих местах, я снимаю пистолет, включаю сигнализацию, а затем бросаюсь к кровати.

Глаза закрываются, и я готовлюсь, как всегда, увидеть картинки мертвых тел.

Вместо этого, я потерялся в невероятных зеленых глазах, которые увижу чуть позже.

Глава 3

*Когда вы ухаживаете за красивой девушкой
час кажется секундой. Когда вы сидите
на раскаленной золе, секунда кажется часом.
Это и есть относительность.*

А. Эйнштейн

Лана

Уже после пяти, я начинаю поглядывать на часы и задаюсь вопросом, действительно ли меня отшили. Я не уверена в том, что заставило меня позвонить ему, флиртовать, а затем согласиться на свидание. Может быть, это потому, что мне хочется меньше чувствовать себя ледяным монстром и больше походить на женщину.

Я жива. Другие мертвы.

Я жива, пока чувствую смерть.

Возможно, я хочу чувствовать себя живой, учитывая, что мое время может быть ограничено. Я должна ценить каждую минуту... когда не собираю долги. Не совсем романтично думать о парне, пока нарезаешь кого-то на куски, но Логан был определенно в моих мыслях в течение трех дней, потраченных на погашение долга Бена.

Не в темных местах моего разума, которые тоже зарезервированы для мести. Нет. Логан был в хороших частях, которые, как я думала, больше не существовали. Он нашел глубоко похороненный свет, будто не все добро внутри меня было уничтожено.

Когда я собираюсь написать ему и узнать, все ли у него хорошо, внезапно кто-то садится в кресло передо мной, и я поднимаю глаза, чтобы встретить взгляд мягкого голубого

оттенка. Я могу смотреть в них весь день. Остальные части его тела тоже подходят к этим прекрасным озерам.

Он – это грех и удовольствие в упаковке, на которую я склонна заглядываться.

– Мне очень жаль, – стонет он, подзывая официантку. – Пробки. Мне на самом деле пришлось злоупотребить своей властью и включить огни, чтобы проехать.

Моя улыбка удивляет меня каждый раз, когда он заставляет меня чувствовать ее.

– Все в порядке. Я просто волновалась, – вру я. Я беспокоилась о нем и волновалась, что он не придёт.

Его же улыбка настоящая и мгновенная, когда он видит, что я не злюсь. Появление официантки прерывает момент, но мы, как два идиота, продолжаем улыбаться друг другу.

Я, честно говоря, не могу вспомнить время, когда у меня в животе так трепетало. Я была подростком, когда моя жизнь была разрушена, и иллюзия нормальности навсегда осталась в моих руках.

Это самое человеческое, что я чувствовала на протяжении долгого времени. И это всего лишь кофе по дороге на работу.

Мы оба заказываем, и официантка уходит, окидывая его быстрым взглядом и подмигивая мне, как будто она одобряет. Не то чтобы мне было это нужно.

– Итак, что заставило тебя согласиться встретиться со мной? – спрашивает он, по-видимому, пропуская обязательную ознакомительную часть разговора. Наверное, это мудро, так как наше время ограничено. Не говоря уже о том, что он может начать спрашивать о моей жизни, поэтому вполне безопасно общаться подобным образом.

Я решила не говорить ему, что он заставляет меня чувствовать себя женщиной, тогда как я должна была стать монстром с тех пор, как меня заперли и выбросили ключ.

– Что заставило тебя спросить об этом? – спрашиваю я его вместо ответа.

Его усмешка становится шире.

– Ты отвлекаешь, но я бдителен. Я думал о тебе. Твоя очередь, – говорит он, упершись в стол локтями.

– Я думала о тебе тоже.

– А, понятно, это жульничество. Ты не можешь просто повторять мои слова, чтобы не раскрывать больше подробностей. Это широко используемый инструмент в определении личности.

– Прекрати профилировать меня, – говорю я с дразнящей улыбкой, но тайно надеюсь, что он действительно остановится.

Что, если он увидит слишком много? О чем, черт возьми, я думаю? Это самое глупое свидание, на которое я только могла пойти.

Наконец я знаколюсь с парнем, с которым, возможно, хотела бы встречаться, и это должен быть именно такой человек, который мог увидеть всю меня?

Он слишком активно изучает меня, но я держу свою улыбку на месте, надеясь, что она не кажется напряженной.

Превосходно.

Он продолжает ждать моей реакции, и я стараюсь думать о том, как правильно реагировать. Как нормальные женщины реагируют? Они фонтанируют эмоциями и льстят из-за его значка и навыков? Обижаются ли они на то, что он позволяет себе постоянно профилировать их, чувствуют, что он не позволит им иметь какую-либо конфиденциальность? Понятия не имею.

– Насколько на тебя повлиял твой личный опыт? – спрашиваю я, решив не реагировать вообще и сохранить свои эмоции под маской.

Он стонет, качая головой и откидываясь назад.

– Больше, чем я хотел бы признать. Женщины предпочитают рассказывать мне, как они себя чувствуют. И хотят от меня того же. Я пытался остановиться, но не могу. Считай это моей странной причудой. С тобой я чувствую надежду; ты, кажется, чувствуешь то же самое.

Его глаза находят мои, и он действительно выглядит полным надежды. Он прав. Я делаю то же самое. Но по совершенно другим причинам.

Он служит справедливости самым лучшим способом.

Я служу мести так, как это предначертано.

– Что у тебя сейчас с личной жизнью? – спрашивает он, пробуя еще раз.

Как паутина с кучей мертвых жуков в ней... Опять же, не самая подходящая метафора.

Когда официантка приходит и приносит наш маленький заказ, я пытаюсь придумать хороший ответ, ожидая, пока она уйдет.

– Немного сухо.

– Ауч, – говорит он, но ухмыляется.

– Ну, не конкретно в этот момент, – говорю я, чувствуя себя глупо, и начиная снова улыбаться.

– Итак, расскажи мне о себе, – он жестом показывает мне одну руку, а другой подносит кофе к губам.

– Двадцать шесть. Недавно в этом городе. Постоянно переезжаю. И у меня странная одержимость носками. Ты?

Он хмурится, будто нехорошо себя чувствует.

– Ты часто переезжаешь? – спрашивает он, не отвечая на вопрос.

Думаю, мы играем в эту игру вдвоем. Избегаем ответов на вопросы, чтобы задать свои.

– Да. Я жила почти в тридцати штатах. Пускать корни было слишком скучно. Мы с родителями жили в маленьком городе, и там все обо всем знали. После их смерти стало еще хуже. Во всяком случае, я переезжаю, пытаюсь найти то место, где почувствую себя дома.

– Удалось что-нибудь найти? – спрашивает он, прочищая горло.

– Возможно, – говорю я, пожимая плечами.

Я его почти не знаю, поэтому, сказать ему, что он – первый человек, что вызвал мой интерес, определенно будет слишком быстро.

– А твои родители... – он позволяет словам повиснуть в воздухе. Кажется, будто он неохотно спрашивает то, что хочет знать.

– Автомобильная авария, – частично лгу я, изображая улыбку.

– Извини, – говорит он, переводя дыхание.

– Это было давно. Теперь о тебе, – быстро говорю я, отчаянно желая сменить тему.

Он улыбается мне, но улыбка не доходит до его глаз.

– Двадцать девять. У меня есть дом в тихом местечке. Он принадлежал моему отчиму, но он оставил его мне перед смертью. Моя мать живет со своим новым мужем в Майами. Так что здесь только я.

– Как насчет твоего отца? – я понимаю слишком поздно, что не должна так глубоко заглядывать, если не хочу, чтобы он тоже это делал.

Ни у кого из нас нет шансов выговориться.

Его телефон звонит, обращая на себя внимание, и он вздыхает так, что, вероятно,

означает, что наша короткая и сладкая беседа закончилась.

– Бл*ть, – говорит он себе под нос, заставляя мои губы дернуться.

Это просто слово, но я уже начала беспокоиться о том, что он был примерным мальчиком.

Он поднимает глаза, чтобы встретиться с моими.

– Ненавижу покидать тебя так рано, но...

– Все хорошо, – прерываю я его, игнорируя небольшой укол разочарования.

Он бросает на стол двадцатку, чего более чем достаточно, чтобы покрыть возможный счет в десять долларов.

– Мне действительно жаль, – говорит он. Бубня слова проклятий себе под нос, он встает.

Я тоже поднимаюсь и неловко мнусь, потому что не знаю, должна ли я обнять его, коснуться или помахать, как идиотка.

Я машу, как идиотка.

Блин.

Он ухмыляется, приподнимая бровь.

– Я позвоню тебе позже? – спрашивает он, его ухмылка превращается в мягкую улыбку.

Я поглощена чувством того, что я задница, поэтому просто киваю. Я действительно боюсь открыть рот, чтобы не выглядеть еще глупее. При этом я продолжаю ему махать. Это похоже на то, что моя рука потеряла связь с мозгом, и, черт побери, все еще двигается.

На этот раз, когда его телефон звонит, он поворачивается и уходит, прежде чем ответить. Я возвращаюсь на свое место, задаваясь вопросом, что планировать убийство легче, чем свидание.

Мир слишком порочен.

Глава 4

Сила всегда привлекала безнравственных людей.

А. Эйнштейн

Лана

Логан: Стейк. Я отведу тебя поесть стейк. Или, возможно, даже омаров. Тебе нравится красное мясо или моллюски?

Я усмехаюсь, когда вижу сообщение от Логана. Вчера все было немного неловко, но потом он позвонил и дал мне понять, что все хорошо. Во всяком случае, он казался более заинтересованным.

Я: Да и да. Я также люблю вино. Просто, к твоему сведению.

Логан: Вино, понял. Что ты сегодня делаешь? Есть ли шанс, что ты будешь в городе и выпьешь со мной кофе? Или съешь булочку, а?

Я заканчиваю прятать последнюю камеру над дверью. Попасть внутрь было не просто, учитывая, что Тайлер или его жена сразу же по возвращению домой запирают двери. Но мне удалось проскользнуть и оставить окно незапертым.

Системы безопасности нет. Предполагается, что только у одной из моих целей есть охранная система безопасности. И с этим справится Джейк. Он – настоящий друг. Сколько людей вы можете попросить о помощи в воплощении своего плана мести и они помогут без

страха и сомнений?

Я хватаю телефон и набираю сообщение Логану, обнаруживая, что странно успокаиваюсь. Я веду нормальный разговор во время планирования убийства.

Может быть, я действительно больная.

Я: Не сегодня. У меня торговый обзор. Вернусь только завтра.

Это не совсем ложь. Я действительно делала обзор торговли... Просто это будет происходить здесь.

Жена Тайлера уезжает из города на конференцию по работе, что дает мне много времени для обследования дома.

Пол новый, как и вся остальная часть дома. Никаких скрипов – чертовски хорошо. Мой телефон гудит в кармане, когда я пробираюсь по коридору, проверяя все, что может создать проблему.

Логан: Завтра я уже буду в другом городе. Жонглирую несколькими делами прямо сейчас. Люди просто не могут перестать убивать друг друга.

Обожаю иронию.

Мы так кардинально несовместимы, что это даже смешно.

Если бы он видел зло, которое выпало на мою долю, понял бы, почему некоторые люди заслуживают смерти.

Я: Ты когда-нибудь убивал?

Почти уверена, что это не самый лучший вопрос, заданный парню, с которым у вас была только одно свидание в кафе, если это можно назвать свиданием.

Логан: Много раз. К сожалению, не всегда преступник оказывается в тюрьме.

Он убил много людей теми же методами, с той же моралью... так что технически он тоже серийный убийца. Это логично и это правда. Помимо того, что он носит значок, который делает его действия юридически оправданными, мы равны. Правда, я сначала мучаю своих жертв, но это нюансы.

Логан: Это беспокоит тебя?

Я смеюсь, прежде чем могу остановить себя. И я очень довольна тем, что здесь меня никто не слышит. Черный юмор, вероятно, заставит нас не заходить далеко в этих отношениях.

Я: Нисколько. Уверена, ты был вынужден сделать это, иначе ты бы нашел другие варианты.

Иногда справедливости нет. И тогда приходится брать справедливость в свои руки.

– Хочешь поиграть, Виктория? Ты знаешь, что хочешь, – дыхание Бена ощущается, как кислота на моей шее, и мне удается ударить его коленом по ребрам.

Он сыплет проклятия и поворачивает голову.

– Держи ее! – орет он Тайлеру. – Или я прослежу, чтобы она ударила и тебя несколько раз.

Крик пронзает ночь, но он не мой. Я отказываюсь позволять им слышать, как я кричу.

– Ты прекрасно кричишь, – слышу я, как говорит Кайл, смеясь откуда-то сзади, но я не вижу его или того, что он делает.

И не хочу видеть.

Воспоминания, которые заставляли меня свернуться в клубок и часами плакать. Теперь они мотивируют меня. Подкармливают мою решимость. Двигают меня вперед.

Делают меня кровожадной.

Покачивая головой, я заканчиваю перемещения по дому и прячу последнюю камеру в шкуру медведя над кроватью Тайлера. Видимо, его жена любит чучела животных. Или я надеюсь, что его жена любит чучела животных. Мне ненавистно думать, что я дрожала от страха перед парнем, который любит подобное.

Когда я захожу в последнюю комнату, я замечаю, что она со звукоизоляцией. Там большое количество студийного и музыкального оборудования. Это идеальное место, так как в доме нет подвала. Здесь нет окон.

В этой комнате не будет камер.

Здесь несколько гитар, выстроенных в ряд, все они красивые и блестящие.

Вся его жизнь красивая и блестящая. Как и у них всех.

Не могу дождаться, когда раскрашу все здесь в красный.

Глава 5

Единственной реальной ценностью является интуиция.

А. Эйнштейн

Логан

– Кто эта девушка? – спрашивает Элис, прочищая горло и садясь на край моего стола.

Я усмехаюсь, когда кладу телефон, при этом маскируя выражение лица.

– Не пойму, о чем ты говоришь, – лгу я.

– Ты можешь врать, сколько тебе заблагорассудится, но ты выдаешь себя, когда смотришь на телефон. Есть две причины, по которым парень улыбается своему телефону: порно или девушка.

Посмеиваясь, я отвожу взгляд, изучая некоторые новые улики по делу «Бугимена». Я ненавижу, когда СМИ дают имя преступникам. Они только подстегают их своим вниманием, которого эти люди жаждут. К счастью, до журналистов еще не дошли слухи о нашей изуродованной, замученной жертве. Мне бы не хотелось знать, какое имя они наколдуют на этот раз.

– Мы отправляем команду в Бостон, чтобы поискать новые зацепки по нашим убийствам. Мы изолировали место преступления и сузили круг подозреваемых. Есть возражения? Я контролирую ход дела «изувечить и убить», – говорю я вместо того, чтобы ответить на ее комментарий.

Она делает глубокий вдох.

– Конечно. Я поеду в Бостон. Однако прекрати пялиться на эти фотографии. Они наградят тебя кошмарами, – говорит она, указывая на снимки, разбросанные по моему столу. У меня всегда есть копия материалов в столе. Посмотреть на вещи с разных ракурсов помогает мне найти то, что остальные могли пропустить.

– Мне нужно найти реальный мотив этих убийств, – я двигаюсь к последней убитой и кастрированной жертве.

– Иногда мотива нет. Мы профилировали подозреваемого, как человека, не смирившегося с фактом своей гомосексуальности. В результате он уже на пути к тому, чтобы стать сексуальным садистом, как только примет свою ориентацию. Скорее всего, он издевался, насмехался над жертвами, избивал их. Местный полицейский департамент не спешил обращаться к нам. Я не думаю, что они воспринимают этого парня достаточно

серьезно, как должны. Я разговаривала с несколькими местными, но они ведут себя так, будто совершенно исключено, что преступник может быть человеком с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Как будто это богохульство, чтобы просто рассмотреть этот вариант. Я хотела показать им фотографии моего брата и его мужа просто ради того, чтобы увидеть их шок.

Мои губы дергаются.

– Чем меньше город, тем он более враждебен к чужакам. Им не нравится, как мы вмешиваемся в их внутренние дела, и они уверены, что, черт возьми, мы тут обнаружим какую-то грязь, которая сможет запятнать их репутацию. Но в итоге мы должны будем разобраться с этим. Преступник вернется за своей новой жертвой, – говорю я с тяжелым вздохом.

Она кивает, хватая ключи с моего стола и, прежде чем уйти, смотрит на меня, пока я остаюсь сидеть.

– Просто дружеское напоминание: мы все трудоголики. Это особенность нашей профессии. У нас всегда три или более дел одновременно, несмотря на то, что журналисты сообщают нам, что у нас низкая загрузка и полно свободного времени между делами. Свидания... Что ж, это не так просто. Есть причина, по которой мы все одиноки, разведены или и то, и другое вместе. Если ты не встречаешься с кем-то из коллег, никогда не увидишь, как тебя ждут дома.

Она поворачивается и уходит, бросив взгляд через плечо. Я отмахнулся. У нас есть свободное время. Его немного, но этого достаточно. Я надеюсь. Мне бы не хотелось думать, что моя жизнь была потрачена на погони за психопатами, и умру я в одиночестве.

Я: Нам действительно нужно встретиться снова. Сообщения отстой.

Лана: Я согласна. Пальцы сводит судорога.

Я: Что-нибудь планируешь через два дня? У меня никаких планов на завтрак.

Лана: Через два дня я буду в Западной Вирджинии. Что на счет завтра?

Я: Не могу. Я должен лететь в Бостон для быстрого брифинга. Я вернусь завтра вечером, но у меня очень много работы, которую нужно срочно сделать. Я надеюсь закончить, прежде чем уйду домой. Если я уйду домой.

Лана: Итак, переписываться весело, ведь так?

Я издаю стон и, смеясь, расслабленно откидываюсь в своем кресле, когда Крейг входит в мой кабинет.

– Итак, местный шериф из этого захудалого городишки наконец-то позвонил. Только что разговаривал с ним. Он на самом деле живет там и, по-видимому, думает, что это он управляет всеми полицейскими отделами в стране. Во всяком случае, он сказал, что в его городах нет геев. «Только столичные жители забывают, как быть мужчинами и женщинами», – Крейг закатывает глаза, а я сыплю проклятиями.

– Тоталитаризм является питательной средой для серийных убийц. Шериф отрицал, что жители города могут быть иными, кроме как теми, кем он хочет, чтобы они были. Он не поможет нам найти преступника до того, как тот снова ударит.

– Мне было сказано почти то же самое. И при этом этот гад и пальцем не пошевелил. Он считает это совпадением, что «бедные мальчики» были убиты. Мотивом убийства называет удаленность их домов, и то, что весь мир полон зла. Уверен, что он работает с фанатичным рвением, и я не удивлюсь, если все маленькие города, в которых он является шерифом, глотают эту чушь.

– Нам нужно профилировать целый город, где никто не собирается говорить, – ворчу я.

– Ты думаешь, что преступник все еще тут? – спрашивает он, пока присаживается перед моим столом.

– Я думаю, что это маловероятно, но возможно. У нас недостаточно информации для более конкретного утверждения.

Он складывает руки перед губами, а глазами блуждает по верхней части моего стола.

– Если СМИ получают эту историю, прежде чем мы готовы будем предоставить какую-либо конкретную информацию, они будут придумывать всевозможные теории, – говорит он рассеяно.

– Это всем известно. По крайней мере, мы знаем, что шериф не собирается распространяться по этому вопросу, прежде чем мы будем готовы.

Он кивает, все еще пялясь в никуда.

– Я не понимаю, как ты это делаешь, – говорит он, отводя взгляд от фотографий. – Как ты залезаешь в голову к кому-то, кто настолько болен и жесток?

– Как ты обрабатываешь тысячи и один вопрос журналистов? – спрашиваю я его, пожимая плечами. – У каждого из нас есть свои сильные стороны. Я не забираюсь им в головы. Я исследую их души. Это единственный способ понять больной мозг убийцы, потому что ты можешь думать только как разумный человек. Извращенный ум – это тот, который формирует свою собственную реальность. Вот почему мне нужно больше узнать об этих убийствах. Он пока не оставляет за собой достаточно подсказок, чтобы я мог собрать головоломку.

Глава 6

Я допускаю, что мысли влияют на тело.

А. Эйнштейн

Лана

Моя жизнь начала вращаться вокруг телефона. Ну, за последние пять месяцев все было также, но это касалось другого телефона. Обычно это одноразовый телефон, ради которого я мчусь сломя голову, чтобы ответить. Не мой настоящий телефон. Он ожил пару недель назад после появления в моей жизни агента Логана Беннетта.

Логан: Крейг спросил, не лесбиянка ли ты.

Я: Кто такой Крейг?

Логан: Ты понятия не имеешь, как мне нравится этот ответ. По факту, я просто стал смеяться по другому поводу.

Я не знаю, почему он считает это настолько забавным.

Я: Серьезно, кто такой Крейг?

Логан: Я, правда, хочу увидеть тебя снова.

Я: Ну, давай просто оба бросим работу, и, наконец, пойдём на свидание.

Логан: Я в тупике по всем своим делам, и я начинаю задаваться вопросом, не наступило ли время для того, чтобы строить карьеру где-то еще.

Я: Если это заставит тебя чувствовать себя лучше, я тоже думала о смене работы. Вчера встретила парня, который торгует фаллоимитаторами своей жены в качестве

механизма для мытья посуды. Жена была в ярости, когда я появилась, чтобы проверить качество ее «игрушек».

По крайней мере, это правда. Я ненавижу время, когда должна лгать ему.

Логан: Я только что пролил кофе на стол.

Я: Какое совпадение. Похоже, она тоже. Муж сообщил мне об этом, будто я хотела знать. #ПерегрузкаИнфой

Логан: Стоп. Пожалуйста, остановись. Коллеги подумают, что я сошел с ума, раз так громко смеюсь.

Я: Это была не самая неловкая встреча, на которой я присутствовала, но он, слава Богу, хотя бы не афишировал причину моего приезда.

Логан: Итак, дилдо не стали продавать в качестве механизма для мытья посуды?

Я: Не-а. И я подозреваю, что она будет нуждаться в них больше, чем когда-либо. По словам жены, она не позволит своему мужу прикоснуться к ней в ближайшее время. Он не был счастлив, когда я уехала. Видимо, я виновата в том, что заявила на час раньше, потому что, в противном случае, она бы ушла.

Логан: Хорошо. Ты выиграла. Я не могу конкурировать с этим.

Я: #ЖизненныеЦели

Логан: Ты часто ходишь в кафе, в котором я тебя встретил?

Я: Эм-м... это резкий поворот в разговоре, но да, часто. Я переехала сюда чуть более месяца назад, и это было первое приличное кафе, которое я нашла в городе.

Логан: Тогда мне жаль, что я не заходил туда раньше. У меня была передышка две недели назад. Тогда мы могли бы встретиться раньше.

Я: Ты редко там бываешь?

Логан: Тогда был мой первый раз. Нам с Крейгом нужно было задать несколько вопросов большим боссам о мерах безопасности. Мы совершенно случайно зашли туда, потому что наше постоянное место было закрыто на ремонт.

Я: О, этот Крейг!

Логан: Ты действительно не запомнила его имя?

Я: Я запоминаю имена только тех, кто мне нравится и кого хочу убить.

Меня коробит, когда я перечитываю сообщение, понимая, что даже если это правда, это не самая удачная шутка, которую стоит рассказывать агенту ФБР.

Логан: Надеюсь, я в правильном списке.

Я выдыхаю, а затем улыбаюсь неудачной шутке. Теперь я знаю, что он не воспринял ее всерьез.

Я: Да. На данный момент ты находишься во главе нужного списка. Прошло много времени с тех пор, когда я улыбалась так, как делаю это, когда мы разговариваем.

Логан: Мне следует поцеловать тебя.

Мое сердце стучит в груди, когда я читаю это сообщение. Затем я читаю его снова. И опять. И опять.

Каждый раз, когда Логан заставляет что-то в моем животе трепетать, я пытаюсь анализировать все странные реакции, которые у меня возникают из-за него. Он заставляет меня чувствовать и действовать как человек, которого я никогда не думала, что смогу снова вернуть. А ведь я едва знаю этого мужчину, и видела его только дважды.

Тем не менее, мы болтаем каждый день. И это изюминка моего дня.

Каждого дня.

Каждая секунда.

Каждое слово.

Я: Да. Тебе следует. Тогда мне бы не пришлось неуклюже махать тебе рукой.

Логан: Но то, как ты неуклюже махала мне, было действительно мило.

Я: Ха. Смешной парень. Я не знаю, каково это. Прошло много времени с тех пор как я пробовала встречаться с кем-то.

На самом деле, это было около семи месяцев назад, но, как и всегда, уровень интереса снизился до нуля примерно через месяц, потому что все чувства, которые я испытывала, не были впечатляющими. С Логаном я чувствую искру, и я попытаюсь разжечь ее, отчаявшись почувствовать что-то еще, кроме гнева, ненависти, ярости... сломленности.

Я думала, что потеряла эту способность. Предполагала, что они отняли это у меня.

Затем я поняла, что конкретно ищу с тех пор, как начала убивать людей из списка. Проблема в том, что он моя противоположность. Я имею в виду, что я убиваю людей, а он ловит убийц. И я не могу остановиться. Мне жаль, что я не встретила его в начале своего пути.

В моем списке еще много имен. Мне приходится исправлять так много ошибок. Мой телефон пиликает, и я смотрю вниз, улыбаясь, прежде чем я могу остановить себя.

Логан: Тогда мне действительно стоит тебя поцеловать.

Глава 7

Воображение важнее знания. Знания ограничены.

Воображение охватывает мир.

А. Эйнштейн

Логан

– Мотивом первых пяти убийств мы предполагаем сексуальное психологическое расстройство и патологическое неприятие себя у преступника, – несмотря на это, я чувствую, что там больше дерьма. – Возможно, преступник чувствует себя неполноценным. Это может быть связано с отказом или чем-то подобным в его прошлом. Нам нужно найти связь, и она явно заключается в этом городе. Леонард и Элис вернулись в Делани-Гроув, в поисках всех, кто смог бы нам что-либо рассказать. Мы пока остаемся здесь, так как тут произошло последнее убийство. Это самое свежее место преступления, – говорю я группе.

Они встают, хватают свои папки и файлы, а я направляюсь в свой кабинет, чувствуя себя слишком уставшим, чтобы связно мыслить. В течение последних двух недель я либо засыпал в своем кабинете, либо заезжал домой поспать пару часов.

В отличие от большинства серийных убийц, в этом случае он не фиксируется на временных промежутках и факторах риска. Он не становится более смелым, а это значит, что он умный. Что хреново для нас, потому что пока он не совершает никаких ошибок.

След остывает. Еще одна неделя, и может быть новое тело у нашего порога.

Мой телефон пиликает, и я смотрю сообщение, улыбаясь, когда вижу, номер абонента. Я понятия не имею, почему она до сих пор не отшила меня, поскольку все, что мы делаем, это переписываемся или болтаем по телефону с того дня, когда я оставил ее в кафе.

Лана: Знаешь, я всегда высмеивала Нетфликс и Чил ноушнс, но теперь я вижу

положительные стороны.

Я: У меня нет телевизора.

Лана: Что??? Как это???

Я: Я планировал приобрести...

Лана: Агент Беннетт, мне жаль. На этом мы закончим.

Я: Если ты хочешь прекратить общение, по крайней мере, назови меня по имени.

Лана: Агент Беннетт звучит сексуальнее.

Это заставляет меня усмехнуться.

Я: О? Наручники заводят тебя?

Лана: Ограничение – это ад для меня. Но я не возражаю против использования их на тебе... Если мы когда-либо доберемся до этого уровня.

Мой член шевелится в штанах, и я мысленно считаю месяцы с того момента, когда в последний раз у меня было время просто подумать о сексе. После пятого месяца я перестаю считать, потому что это удручает. Мне понадобится несколько свиданий с моей рукой, прежде чем я попытаюсь, не смущаясь, соблазнить Лану.

Я: Поужинаем?

Лана: Ты можешь оторваться на ужин?

Я: Никаких изменений по моим делам сейчас нет, поэтому у меня есть свободное время. Его будет не так много, но это же лучше, чем все время только переписываться.

Лана: Я не уверена на счет протокола в данной ситуации.

Мои брови взлетают вверх, когда я читаю ее последнее сообщение.

Я: Какой протокол?

Лана: Могу ли я сказать «да» в последний момент перед ужином? Или не приветствуется быть готовой в такие короткие сроки?

Я начинаю смеяться, поднимаю глаза и смотрю на часы. Уже за девять, но я действительно хочу увидеть ее прямо сейчас.

Я: Уведомления всегда будут приходить в последний момент, поэтому я надеюсь, что ты из тех девушек, которые умеют собираться молниеносно... Надеюсь, вслух это звучит лучше.

Лана: Это звучит... Эм, нет. Это звучит не очень хорошо, но я поняла, что ты имеешь в виду. Ужину быть. На этот раз надеюсь, я уйду с чем-то большим, чем неуклюжий взмах руки.

Я поднимаю кулак вверх, а затем вижу, как на меня через открытую дверь смотрят несколько любопытных пар глаз. Чувствуя себя четырнадцатилетним подростком, я снова пишу ей сообщение.

Я: На этот раз я этим не ограничусь. Кто знает, когда я увижу тебя снова, или продолжишь ли ты терпеть мой дерьмовый график.

Лана: Мой график тоже подходит под это определение.

Я: Это очень плохо, что у меня возникает соблазн спросить, где ты живешь? Я мог бы деликатно заскочить сегодня вечером с оправданием, что был по соседству. Возможно, мне бы показалось, что я увидел кого-то слишком близко к твоему дому.

Лана: Это очень плохо, что я надеюсь, что ты нарушишь некоторые правила, и найдешь мой адрес, чтобы сделать именно это?

Застонав, я смотрю на время, а затем на экран своего компьютера. Решив злоупотребить

своим должностным положением, я ищу ее адрес. Но на этом все. Схватив свой телефон, я включаю свой GPS, хватаю свою офисную сумку и бегу к машине.

Я осознаю, что принимаю желаемое за действительное и, неверное, слишком самонадеян. Так что сумку я просто бросаю на заднее сидение, в надежде, что Лана ее не заметит. И в этот момент я понимаю, что ожидаю гораздо большего, чем должен. Очевидно, что если она захочет, я немедленно уеду, но я надеюсь, что она не захочет.

Потому что Лана Майерс обосновалась в моих мыслях с того дня, как я встретил ее. И было бы хорошо, если бы кто-то заметил, что я пропал.

Глава 8

*Чтобы узнать секреты жизни,
мы должны сначала осознать их существование.
А. Эйнштейн*

Лана

Я смотрю на свое последнее сообщение и отсутствие ответа под ним. Серьезно, у меня проблемы с флиртом.

Простонав, я встаю, смотрю на монитор на стене. Тайлер ходит перед камерой в одних боксерах, ухмыляясь, пока кому-то пишет. Мой второй телефон звонит, как по команде. Я опускаю глаза вниз, читая сообщения, которые он посылает девушке по имени Дениз.

Тайлер: Во что ты одета? Я думаю о тебе.

Я закатываю глаза, надеясь, что Дениз скажет ему трахнуть самого себя. Но она этого не делает.

Тяжело наблюдать, как они живут своей жизнью. Я должна смотреть, как они наслаждаются свободой, которую украли у меня. Свободой, которую они украли у нас.

Тайлер первый, кто женился, и, видимо, завел любовницу. Я оставила его напоследок, и, прямо сейчас, я не могу позволить себе сбежать. Я прошла очень длинный путь. И «сбежать» – точное описание того, как это время пройдет, учитывая, что будет слишком легко попасть в ловушку, если я попытаюсь отвлечься.

Джейк сообщил мне, что федералы разнохивают в нашем родном городе. Это был только вопрос времени, когда они свяжут убийства и установят связь. Я надеялась, что у меня будет больше времени, прежде чем они возьмут мой след, поэтому начала убивать за пределами города.

Не думаю, что они свяжут все это со мной. Ланы Майерс не существовало в этом городе. Никогда.

Виктория Эванс умерла десять лет назад. Я больше не выгляжу как она. Они убедились в этом. Я перевела взгляд на маленькое зеркало на стене рядом со мной. Без макияжа можно увидеть несколько едва заметных шрамов.

Я потратила много денег, чтобы осталось как можно меньше этих отвратительных отметин. Виктория Эванс была бедной девочкой из Делани-Гроув, а вот Кеннеди Карлайл была богатой наследницей. Она погибла в автокатастрофе той же ночью, когда был подписан мой сертификат о смерти. Тело было так искалечено и неузнаваемо, что Джейку не составило труда заменить информацию в компьютере.

Кеннеди, возможно, умерла той ночью, но незнакомец, которого я никогда не видела,

спас мне жизнь.

Я пришла, как Виктория, а ушла, как Кеннеди. Взяла ее богатую, сиротскую жизнь и «юридически» сменила ее имя на Лану Майерс, чтобы никто из ее прошлого не узнал меня.

Самым простым способом финансировать нас – это создать фонд. За последние пару лет Джейк достаточно преуспел в этом.

Понадобилось некоторое время, чтобы видеть в своих шрамах на лице знаки выживания, а не жестокие напоминания той ночи. Шрамы на других частях моего тела не зажили также чисто. Но лечение душевных ран заняло гораздо большее время.

Врачи говорят, что у каждого свой процесс исцеления.

Первый год я провела в трауре по моей семье и страданиях от всех травм. Я плакала, пока не осталось ничего, кроме песка в глазах. Я сворачивалась в клубок, мылась по три раза в день, но так и не ощущала себя чистой.

Второй год был проведен в злобе и поиске выхода. Я стала брать уроки кикбоксинга. К третьему году я перешла к различным формам смешанных боевых искусств. Сейчас имею несколько черных поясов.

Я больше никогда не буду чьей-то жертвой.

Четвертый год был потрачен на то, чтобы укрепить дух, справиться со всеми своими страхами и самостоятельно научиться держать удар без бессонных ночей.

На пятый год я впервые смогла выдерживать физический контакт. Я снова научилась привязываться. Научилась не вздрагивать, когда кто-то касался меня. Научилась быть нормальной, какой должна была быть.

Шестой был годом, когда я, наконец, смогла справиться с интимностью, не желая убить человека, дотрагивающегося до меня. Это был год, когда я решила, что больше не заложница прошлого. Это был год, когда я взяла контроль над своей жизнью и приняла свое будущее, прежде чем оно полностью разрушилось.

Я решила отомстить на седьмой год.

И начала планирование.

Восьмой год был посвящен поиску. Я узнала все, что мне нужно было знать о них.

Девятый год был потрачен на взлом дел из судебных процессов моего отца. Я выяснила все, что было у полиции, отыскала правду вместо лжи.

Десятый год... Десятый год – это год, когда я приняла решение и начала убивать. Одного в месяц.

Джейк убедил меня быть осторожной. Я не хочу, чтобы меня схватили, прежде чем я закончу.

Я живу между убийствами. Совмещаю и то, и другое. Потому что я сомневаюсь, что я выберусь из этого живой.

Дениз решает ответить Тайлеру, вырывая меня из моих воспоминаний. Она присылает фото, и это фото в кружевной ночной сорочке. Невероятно. Если это то, как ты получаешь приглашение на свидание, я вообще ничего не понимаю. Я не трачу тридцать минут на то, чтобы сделать что-то подобное для фотографии.

Мой телефон гудит, когда Тайлер и Дениз посылают грязные сообщения друг другу. Эти отвратительные смски найдут свой путь к его жене, если потребуется. Она точно не должна быть дома, черт возьми, когда я заберу его долг.

Звонит мой личный телефон, я ищу его и рассеянно хватаю, все еще читая последнее тошнотворное сообщение от Тайлера. Как Дениз находит это сексуальным?

– Да?

– Привет, это я, – говорит Джейк. Стук по клавиатуре служит ему фоном. Он всегда за компьютером, все собирает информацию для меня. Самый лучший партнер.

– Что ты делаешь? – спрашиваю, любопытствуя.

– Только что закончил выписывать Оливии ее чек, и теперь работаю на нашем веб-сайте.

– Ты читаешь это? – спрашиваю я его, сморщив нос, когда Дениз подробно описывает минет.

– К сожалению. Чем занимаешься сегодня вечером? Я думал, что мы могли бы перекусить и посмотреть запись видеонаблюдения вместе. Я уже получил код от его дома. У тебя будут лучшие углы обзора с каждой установленной камеры.

Сложив руки, я поднимаю свой взгляд на монитор, наблюдая, как Тайлер начинает опускать свои боксеры. Э, нет. Мне не нужно это видеть.

Отвернувшись, я отвечаю:

– Появляется все больше информации. Его жена много пропадает на работе. У нее конференция за два дня до запланированного убийства. Она уедет на все выходные. Тогда я смогу ударить.

– Не злись и не нападай слишком рано. Если потеряешь осторожность, ты совершишь ошибки, и тебя поймают.

– Верно. В следующие выходные состоится конференция. Я всегда могу подождать.

Это лучше, чем переносить. Лучше всего придерживаться согласованного графика, если это возможно. Таким образом, я не потеряю фокус.

Фыркнув насмешливо, я закатываю глаза.

– Не волнуйся об этом. Мой прицел не сбить.

Их издевательства больше не преследуют меня по ночам. Теперь я мирно мечтаю о звуках их криков.

Я понимаю, что, вероятно, я – психопатка, но я не родилась такой. Они превратили меня в это. Карма не находила их. Никакой справедливости. Судьба, казалось, довольна тем, что оставила их на своих идеальных маленьких путях любви, мира и блаженства.

Только один человек хотел, чтобы они страдали. Ну, двое. Джейк хотел, чтобы им причинили ту же боль, что они причиняли мне. Ту же, что они причинили...

– Ты говоришь это, но мне кажется, ты немного успокаиваешься после каждого убийства. Кажется, ты почти... оттаяла. В течение последних нескольких недель ты хихикаешь и радуешься каждый раз, когда я разговариваю с тобой. Ты передумала? Еще не поздно отступить.

Это не имеет ничего общего с убийствами. Это все связано с агентом Беннеттом. Не то чтобы я планировала рассказывать об этом Джейку. Он бы вышел из себя, если бы знал, что я... Ну, я не совсем уверена, что делаю с Логаном, если честно. Кроме того, что я улыбаюсь, как идиотка, каждый раз, когда мой телефон звонит. И все это из-за его сообщений.

Если бы я сказала Джейку, что меня интересуется агент ФБР, который расследует дело серийных убийц и, возможно, расследует мое, то Джейк, вероятно, взорвется ко всем чертям.

Потому что это глупо.

И я должна покончить с этим.

Но я не могу.

Когда ты так долго чувствуешь себя холодной и отстраненной, а совершенно

незнакомый человек разжигает спящие внутри чувства, в то время когда ты думала, что они навсегда исчезли... ты не можешь не увлечься, ощущая подобное. Ты не можешь не наслаждаться улыбками, когда уже забыла, как улыбаться, или смехом, который звучит неестественно, поскольку ты не смеялась годами.

Мне необходимо притормозить. Я в шаге от фантазии, в которой делаю татуировку с его именем на своей заднице.

Я не могу не задаться вопросом, как такое могло случиться. Мое прошлое пошло под откос, расколослось ко всем чертям и соединилось обратно. Мне кажется, ему бы понравилась прошлая я. Я была умной, веселой, сообразительной и слегка драматичной. Я даже плакала, если случайно убивала букашку.

Сейчас... Сейчас я представляла собой сто шестьдесят два сантиметра мести.

– Я в приподнятом настроении, потому что это восхитительно. Может быть, это из-за адреналина или чего-то еще, – вру я.

– Правда? – спрашивает он, сбитый с толку.

Знаю, что Джейк поддерживает меня и то, что я делаю. Он был здесь, со мной. Помог мне собрать все кусочки и склеить их вместе, хотя я едва могла находиться рядом с людьми.

Но он не хочет знать мрачных деталей, и я сомневаюсь, что он почувствует себя комфортно со мной, если с ним поделиться. Если я расскажу ему, что заставляет меня чувствовать себя счастливой, хотя это ведь не убийства делают меня такой. Но у меня нет возможности рассказать ему правду. Потому что... третья мировая война и все такое. Я не хочу, чтобы он отговорил меня встречаться с Логаном.

– Правда, – вру я опять.

Я надеюсь, что правильно понимаю Логана, что следую его примеру. Его часто вызывают в середине наших сеансов СМСок, а это означает, что может пройти несколько часов до того, как он ответит. Поэтому я стараюсь не отвлекать его.

Мои глаза возвращаются туда, где Тайлер уже прибрался. Он также быстр, как я запомнила.

Еще неделя и я его убью.

– Я все еще думаю, что ты должна отменить кастрацию. Если они копнут глубоко в историю города, они смогут докопаться до сути слишком рано, – говорит Джейк, напоминая, что он все еще на связи.

– Ты помнишь, что они сделали? Я хочу, чтобы они почувствовали самую страшную боль, какую только можно представить. Хочу удалить эту последнюю унцию власти... этот последний клочок достоинства.

Сделав длинный вдох, я слушаю тишину на другом конце провода.

Когда он продолжает молчать, я стараюсь успокоить его.

– Прежде чем они поймут, что призрак воскрес из мертвых, я приму меры. Федералы ищут большого и сильного парня. Я зажимала им сонную артерию, чтобы лишить сознания, вместо того, чтобы использовать подручные средства, как это бы сделала женщина. Вместе с этим, я кастрирую их, лежащих на земле, чтобы невозможно было определить рост и комплекцию. Я тренировалась на протяжении многих лет. Перестань беспокоиться.

Он резко вздыхает.

– Я ненавижу, что ты оставляешь тела, чтобы их нашли. Я бы предпочел, чтобы ты отвезла их в изолированное труднодоступное место, а затем сбросила тела туда, где их никогда не найдут.

– Я хотела, чтобы их нашли. Чтобы они были связаны друг с другом. Я просто не хотела, чтобы это случилось так скоро. Цель в том, чтобы они испугались, когда я убиваю их по списку. Когда я доберусь до Кайла, хочу, чтобы он плакал от страха. Вот почему он в конце списка.

– И что произойдет, если он побежит в полицию, когда поймет в чем дело? В конце концов, это попадет в СМИ, понимаешь?

Я удивлена, что до сих пор не попало.

– Я знала, на какой риск иду, и я уверена, что Кайл никогда не расскажет федералам о девушке–призраке, убивающей людей. Он должен будет объяснить, что они сделали с ней десять лет назад, и по какому принципу она выбирает своих жертв. Ты знаешь, что никто из них никогда на это не пойдет.

Тайна, подобная той, что они хранят, разрушит любого... если у человека есть совесть. А они чувствуют себя безнаказанно, избежавшими расплаты.

Они выкрутились, преуспели и продолжили жить, будто этого никогда не случилось. Будто они не оставили нас там умирать.

Один человек погиб той ночью.

Они думают, что два.

Джейк продолжает болтать мне на ухо обо всех «что, если» во вселенной. Я же отвлекаюсь мыслями о Логане, которые постоянно маячат на периферии моего сознания.

Я, наконец, увижу его завтра.

Тайлер укладывается спать, и я переключаю монитор на обычный телевизор. Похоже, что время сна пока остается неизменным. На самом деле все, что он делает, похоже, распланировано, в том числе и его дерьмовые перерывы.

– Я отключаюсь, Джейк.

– Хорошо–хорошо. Позвони мне позже.

Повесив трубку, я начинаю разбирать инвентарь. Мои ножи лежат в ряд, выложенные в линию внутри мульти–ножен отечественного производства. Как и всегда, они остры и отполированы до блеска.

Я иду к холодильнику и наливаю себе стакан чистой водки. Улыбаясь, я включаю музыку: старый винил моего отца, который он любил. Они с мамой танцевали под эту песню много раз, еще до того, как все это произошло.

Качаясь под музыку, танцуя как они, я почти пропускаю громкий стук в дверь.

Мое тело дергается, когда я фиксирую звук, а сердце застревает в горле. Сюда никто не приходит. Никогда. Эта жуткая подъездная дорожка с горгульями при въезде, специально выглядит так устрашающе. Далее прилагаются несколько предупреждений о нарушении границ.

Даже почтальон боится проехать и половину мили к моему дому. Мои посылки остаются в начале подъездной дорожки.

Я выглянула из окна, но не увидела машины. Выключив проигрыватель, убираю ножи в ближайший ящик. Стук повторяется. Я выгаскиваю пистолет, который ношу, пока бесшумно пересекаю комнату к двери.

Когда я заглядываю в глазок, мои глаза расширяются, и мое дыхание от недоумения сбивается.

– Черт! – шиплю я, пряча пистолет в ящик стола, стоящего рядом с дверью.

– Да ладно, красotka! Не говори, что тебя нет дома, после того, как я нарушил правила и

конфиденциальность закона, чтобы найти тебя,— растягивает слова Логан с другой стороны двери.

Мой желудок сжимается и глупая улыбка начинает расползаться по лицу, когда я открываю дверь агенту ФБР. Его глаза сверкают, а соблазнительная улыбка расцветает на губах, когда он поднимает на меня взгляд, приподнимая брови.

— Лучшее. Приветствие. На свете.

Я смущаюсь на секунду, потом оглядываю себя, чтобы увидеть это: да, на мне нет штанов. Я редко ношу их дома.

Я поднимаю глаза и пожимаю плечами, не обращая внимания на то, как по моей шее распространяется жар. Я смущена? В самом деле? До этого момента я не знала, что все еще могу смущаться.

— Могу я войти, пока кто-нибудь не увидел тебя? Слишком рано показывать мою ревнивую натуру.

Он выглядит невозмутимым, но подмигивает мне, когда я медленно отступаю внутрь, пытаюсь не сказать или не сделать что-то глупое.

Должна ли я побежать и надеть штаны? Или я хочу выглядеть идиоткой, которая забыла надеть штаны? Уверенные девушки все время ходят в футболке и трусиках, верно?

Чертовски верно.

— Моя подъездная дорожка, конечно, жуткая, но зато со всей этой растительностью, никто не может меня разглядеть, — несвязно лепечу я, но потом затыкаюсь.

Логан входит внутрь, закрывает дверь, поворачивается и его взгляд меняется. Некие, едва уловимые, изменения: забавный блеск пропадает, уступая место чему-то гораздо более соблазнительному.

Я начинаю говорить, чтобы объяснить, почему вдруг открыла дверь без штанов, когда он, внезапно, набрасывается на меня. Он вплетает руки в мои волосы, грубо наклоня мою голову, и обрушивается на мой рот.

Путь от удивления до слабости в ногах я прохожу в течение нескольких секунд. И я сама не замечаю, как позволяю его языку скользнуть внутрь и украсть ту небольшую часть здравого смысла, которая во мне еще была.

Я стону ему в рот и хватаю его за плечи, чтобы не упасть, пока он рукой скользит по моему телу вниз, хватая меня за талию и притягивает меня ближе к себе.

Это ощущается невероятно. Не странно, неправильно или неудобно. Это чувствуется безупречно.

Поцелуй жадный, будто мы оба долго голодали. Я понимаю, что мы двигаемся слишком быстро, но мне наплевать. Плевать, когда он поднимает меня и кладет на стол рядом с входной дверью, вставая между моих ног.

Он водит руками вверх и вниз по моему телу, потом обратно ведет к волосам, а затем снова опускает вниз. Похоже, он хочет касаться меня всюду и сразу. Но при этом мужчина деликатен и не тискает меня, несмотря на то, что я не одета.

От этого я хочу его сильнее.

Я дергаю его за ворот рубашки и наматываю галстук на другую руку, притянув его как можно ближе. Он издает какой-то напряженный звук, прежде чем сильнее вцепиться в мои бедра, сводя меня этим с ума.

— Мы должны притормозить, — говорит он около моих губ.

— Должны, — соглашаюсь я, все еще целую его и притягивая к себе еще ближе.

– Где твоя спальня? – спрашивает он, пытаясь и проваливая попытку прервать поцелуй.

– Дальше справа по коридору.

Он поднимает меня и направляется в спальню. Минувя лестницу, он двигается абсолютно вслепую. Мои ноги остаются обернутыми вокруг него, поэтому я стараюсь не думать о том, насколько это опасно.

Я никак не ожидала, что он просто появится без предупреждения, и первая по ходу нашего движения находится незапертая комната для пыток.

Мысленно, я быстро составляю список того, что он может найти в спальне, и понимаю, что все уже убрано. Если он случайно не включит систему слежения в моей гостиной, все обойдется.

Я сильно прикладываюсь спиной о стену, когда он спотыкается. Поцелуй становится более агрессивным и мои мысли окончательно путаются. Слишком много раз я хотела почувствовать подобную страсть, но никогда не ощущала и унции этого огня, что сейчас горит между нами.

Я скольжу пальцами вниз по передней части рубашки, и, дергая за лацканы, разрываю ее, открывая себе доступ. Несколько пуговиц отскакивают и теряются где-то на полу. Кончики пальцев находят гладкую кожу, и я начинаю стонать ему в губы, когда ощущаю его дрожь. Он будто чувствует все пламя, которое горит во мне.

Мы сгорим вместе.

Его язык требует от меня большего внимания, и я целую уже с остервенением. Скольжу вверх и запутываюсь руками в его волосах, откидывая голову, чтобы иметь возможность целовать глубже.

Он хрюкает и отталкивается от стены, устремляясь в комнату.

– Правее, – направляю я, когда он начинает идти в гостевую комнату, расположенную левее. Туда, где останавливается Джейк, когда приезжает проведать меня.

Меня направление, он продолжает быстро двигаться.

Когда, наконец, мы попадаем в спальню, Логан бросает меня на кровать быстрым движением и я удивленно, опираясь на локти, смотрю, как мужчина сдирает с себя испорченную рубашку. Он весь загорелый, мускулистый и обладает идеально гладкой кожей.

Внутри меня поднимается страх. Не все шрамы на мне хорошо затянулись. На лице удалить их было проще, чем те, что обезобразили мое тело.

– Слишком быстро? – спрашивает он, по-видимому, неверно истолковав причину моего колебания.

– Нет, – произношу я, выкидывая эти мысли из головы.

Прошлое не может дальше устанавливать свои правила. Я должна перестать беспокоиться о том, что люди будут думать при виде моих шрамов.

Теперь он выглядит нерешительным.

– Лана, я не должен был врваться и запрыгивать на тебя, как дикарь. Но...

Он опускает глаза на мои широко разведенные бедра, и только тонкие трусики прячут от него все мои прелести. Он сглатывает, прежде чем снова взглянуть на меня.

– Мы можем притормозить. Уверяю, это не то, для чего я пришел.

Медленная улыбка появляется на моих губах. Он невероятный, когда пытается быть хорошим парнем.

Вставая на колени, я ползу к нему, и его зрачки расширяются. Он возбужден, я знаю это

без навыков профилирования.

Я медленно двигаюсь к нему, наблюдая, как он замирает. Добравшись до него, я наклоняюсь вперед и щелкаю языком о твердые кубики его пресса. Он издает тихий звук, и это, похоже, окончательно лишает его контроля.

Он зарывается руками в мои волосы и сильно тянет, откидывая мою голову назад, пока опускается лицом и снова находит мои губы. Это грубо и жадно, и совершенно отличается от того, что я когда-либо испытывала.

Я контролирую секс с тех пор, как я смогла позволить себе близость. Это первый раз, когда я чувствую себя комфортно, позволяя парню вести.

– Где, черт возьми, ты была? – говорит он возле моих губ, заставляя меня усмехнуться. Он толкает меня и опускается сверху.

Я не уверена, что это означает, но мне нравится трепет в его голосе.

Я напрягаюсь, ожидая неизбежной панической атаки, но она не приходит. Во мне возникает множество эмоций, и я запикиваю все сбивающие с толку вопросы подальше, решив проанализировать это все позже.

Сейчас, я просто хочу чувствовать.

Так и происходит.

Я ощущаю все его движения.

Чувствую, как он сдвигается, когда скользит рукой по моей ноге, вызывая у меня мурашки по всему телу от невыносимой чувственности момента.

Я и не знала, как это эротично и волнующе ощущается, когда он прикасается ко мне в изгибе колена, проводит пальцами по задней части икр.

Вся я превратилась в ощущение, и это превосходно.

Он начинает приподнимать мою рубашку, и я заставляю себя позволить ему сделать это. Мужчина резко втягивает в себя воздух, когда понимает, что я не ношу бюстгальтер. Это ускользнуло от его внимания, так как он не касался самых интимных мест.

– Черт, – произносит он, выдыхая, хотя это звучит как восторг.

Он откидывается на пятки, будто собирается увидеть все. Это дает мне секунду, чтобы полностью рассмотреть его, так как он успел раздеться до своих черных боксеров, которые натянулись, чтобы удержать определенные части его тела в узде.

Я не нервничаю до тех пор, пока его взгляд не наткнется на шрамы.

– Что случилось? – спрашивает он. Это не звучит слишком обеспокоенно или настойчиво, просто любопытно.

Он пробегает пальцами по двум шрамам, и я ловлю его запястье, останавливая. Я не выношу, когда их касаются.

Мы встречаемся взглядами, и я вижу начинающееся формироваться беспокойство в его глазах. Мужчина слишком проницателен, так что было бы глупо скрывать все свои секреты под маской.

– Авария, – сказала я ему вяло.

Это ложь, но я чертовски хороша в этом.

– Та же, что и с твоими родителями? – спрашивает он.

Если бы он когда-нибудь покопался в моей истории, он нашел бы имя, которое я украла, и узнал бы, что девушка не была в машине вместе с родителями в момент аварии.

– Нет. Мы можем не говорить об этом прямо сейчас? – спрашиваю я, поднимая руку, чтобы прикрыть грудь.

В его глаза мгновенно возвращается огонь, беспокойство уходит, когда он видит, что я в порядке. С изумительной грацией он скользит по мне, и его губы опять накрывают мои.

Ничто не имеет значения в этот момент.

Мы целуемся, тремя друг о друга, доводя друг друга до отчаянья. Мне не нужна помощь, я уже готова для него. Я никогда так не включалась за всю свою жизнь.

Он рычит, прежде чем, в очередной раз поднимается с меня.

– Скажи мне остановиться, и я остановлюсь, – говорит он мягко, нежно прикасаясь губами к моим.

Мужчина не знает, но этот вопрос и есть мой кусок комфорта, много значащий для меня, потому что я верю, когда он это произносит.

Когда ты читаешь людей так, как я, ты всегда точно определяешь правду и ложь. Учишься чувствовать запах намерений.

– Я не хочу останавливаться, – говорю я тихо, отказываясь разрушать чары.

Он наклоняется, хватая свои отброшенные ранее джинсы, и я усмехаюсь, когда слышу знакомое шуршание обертки.

– Просто чтобы ты знала, эта вещь была в моем кошельке некоторое время. Я не планировал, надеялся, да, но не планировал, – произносит он, ухмыляясь, когда видит мою улыбку.

Я игриво приподнимаю бровь, и он вновь целует меня, прижимая меня к кровати. Он шевелит своими руками между нашими телами, слегка приподнимая бедра, и я не могу сопротивляться желанию опустить глаза вниз.

Грустно говорить, но вид его члена в презервативе может легко отправить меня прямо к преждевременному оргазму. Это сюрреализм. Я люблю это чувство. Хочу залить его в бутылку и сохранить для пасмурных дней.

Он наклоняется одеть защиту, и я вынуждена смотреть и метаться, поскольку эта боль между моих ног становится настойчивой и невыносимой. Я совершенно точно уверена, что эта боль называется желанием.

Этот представитель сильного пола определенно не маленький парень, но и не чудовищно огромен. Идеально.

Я облизываю губы, прежде чем могу остановить себя, когда он стаскивает мои трусики. Логан опускает взгляд на голую кожу, полностью снимая ткань, и начинает медленно наклоняться.

Кожей я ощущаю, как его дыхание ласкает меня, мои бедра вздрагивают, и я тяну его за волосы, подталкивая вверх.

– Если ты это сделаешь, я кончу. Мне нужно больше, – говорю я, и притягиваю его для поцелуя.

Я всерьез могу целовать его весь день, так долго, как мне это позволят.

Без каких-либо дальнейших просьб он входит в меня одним быстрым движением, которое заставляет меня прикусить губу и задохнуться. Логан начинает двигать бедрами, и я понимаю, что он крупнее, чем я думала изначально, потому что погружается он гораздо глубже положенного.

Он смотрит мне в глаза. Похоть и тоска читается в его зрачках, пока мы держим зрительный контакт. Без единого слова, он качает бедрами, без проблем обнаружив внутри меня то местечко, о существовании которого я до сих пор не знала.

Сенсорная перегрузка — вот корректное определение происходящему.

Все во мне напрягается, просто ждет, готовое взорваться. Чем жестче и резче он движется во мне, тем сильнее напрягаются струны. Ногтями я врезаюсь в его плечи, ноги дрожат, как в лихорадке. Продолжая наблюдать за множеством эмоций, которыми я делюсь с ним, он раскрывает меня, слой за слоем.

А затем оно ударяет. Жестко.

Струны рвутся, эйфория растекается по моему телу, будто бомба детонирует во мне и огонь вырывается наружу. Оргазм скользит во мне, скручивая мои пальцы ног, вспыхивая за веками и облизывая кожу, как горячее невыносимое пламя.

Я кричу и дико извиваюсь под ним, и его ритм меняется, становясь все более беспощадным. Это практически невыносимо. Он растягивает мой оргазм. В ответ он стонет, его бедра мелко дрожат, когда мужчина находит свою собственную маленькую версию небес. По крайней мере, я надеюсь, что ему тоже хорошо.

Я обмякла в его объятьях, и мои руки отпускают его плечи. Он перекачивается и оставляет след из поцелуев на моей шее. Определенно мы движемся слишком быстро, но мне плевать. Мы все равно обречены.

Монстр никогда не получит принца. Всегда есть сладкая и невинная принцесса, которая в итоге победит.

Я поднимаю руки и зарываюсь пальцами в его волосы. Нужно наслаждаться этим чувством, пока оно есть здесь и сейчас.

— Я планирую второй раунд, но я не супермен. Просто дай мне несколько минут, и я удостоверюсь, что ты захочешь этого снова, — говорит он мне в шею, все еще потирая и лаская чувствительный участок.

Улыбка появляется моих губах, и я счастливо вздыхаю под ним.

— Хочу делать это постоянно.

Логан посмеивается, и я понимаю, что обнимаю его, хотя не заметила раньше этого факта. Он прижимает меня к себе, обнимая меня в ответ.

— Хорошо, — говорит он. — Потому что это чертовски идеально.

Это превосходно. Вот почему мне нужно спрятать систему слежения в гостиной, заблокировать пыточную и следить за тем, чтобы все оружие в доме с этого момента было надежно спрятано.

Глава 9

*Я никогда не сталкивался ни с одним из моих открытий
в процессе рационального мышления.*

А. Эйнштейн

Логан

— Тебе перепало, — говорит Крейг, когда я захожу, держа в руке кофе. Сегодня я чуть не опоздал на работу.

Я уже и забыл, каково это — потерять себя в девушке. И точно знаю, что никогда раньше не терял себя в ком-то так сильно, как это было прошлой ночью и этим утром. Лана — самый неожиданный сюрприз в моей жизни.

Я все время ищу недостатки, но не могу найти. Никто не может быть таким совершенным. Не то чтобы я хочу взглянуть. Я также не хочу выяснять замужем ли она или

что-то в этом роде. Я близок к невыносимому, потому что она перевернула все в моей голове.

— Возможно, — сообщаю я ему, ухмыляясь, когда он стонет.

— Ледяная принцесса выбрала тебя, а не меня? — спрашивает он, когда я опускаюсь на стул и подтягиваю к себе нужные мне базы данных.

— Тебя сводит с ума то, что она не поддалась твоему обаянию, — растягиваю я слова.

— Существует причина, почему я лицо этого отдела. И это не потому, что я самый красивый, хотя мы оба знаем, что это так. Суть в том, что все существа женского пола готовы съесть меня. Мамочки, дочери, тети, сестры, племянницы... Мы лажаем, а я оправдываюсь очаровательной улыбкой и «Ой, ерунда» манерой поведения, изображая чувство глубокого раскаяния. Все будет прощено, если у тебя располагающая внешность. Это правда. Люди поверхностны — все мы. Извини, но я нахожу немного подозрительным, что она испытала нулевой интерес ко мне, но трахается с тобой.

— Я думаю, что Логан горячее тебя, — встревает Хэдли, подходя ближе. Крейг хмурится на нее. — Вопреки тому, что ты думаешь, не все женщины пустышки. Большинство из нас находят кого-то привлекательным, если претендент обладает нужными качествами.

— Бред, — усмехается Крейг. — Я сделал много исследований по этому вопросу. Это не пустые слова.

Я закатываю глаза, когда они продолжают ссориться, и начинаю искать информацию. Ни замужеств. Ни разводов. Ни детей. Я бы, кстати, не возражал. Нет... живых родственников... Дерьмо.

Ни одного. У нее вообще никого нет? Я уже в курсе, что она не зарегистрирована ни в одной социальной сети. Только ее бизнес-профили, хотя и там я не нашел упоминаний о ее партнере.

Я не копаю глубже. Я чувствую, что достаточно вторгся в ее личную жизнь. Все остальное должно быть тем, что она скажет мне, когда будет готова. Например, автомобильная катастрофа, которая оставила те шрамы.

Должно быть, это была страшная авария, учитывая, что один из шрамов шел от ее левого бедра до правой груди. Еще один, на правом боку, зазубренный и большой. Они старые. Это очевидно с первого взгляда.

Мне нужно было показать ей свои шрамы, но я был слишком занят, исследуя остаток ночи тело этой девушки, чтобы дать ей время исследовать мое. Каждый раз, когда она пыталась, я терял контроль, чувствуя, как ее руки на мне снова превращают меня в возбужденного подростка.

— У тебя серьезные проблемы с доверием, — говорит Хэдли, вытаскивая меня из собственных мыслей.

Я замечаю, что Крейг ушел, но Хэдли читает информацию о Лане через мое плечо. Я закрываю все и пожимаю плечами.

— Ты заставил меня исследовать ее прошлое на предмет судимостей, а теперь проверяешь ее биографию?

Она поднимает бровь.

— Когда-нибудь встречала человека слишком хорошего, чтобы быть реальным? Этим утром я почти опоздал на работу, потому что не мог оторваться от нее. У нее буквально нет недостатков. Она красивая, умная, нахальная, капризная и в курсе моего беспокойного графика, хотя у большинства девушек сразу возникают с этим проблемы. Она ни разу не разозлилась на то, что я отменял встречи. Я появился у нее без предупреждения, и она была

в два раза лучше, чем мои самые смелые фантазии. Так что да... я не могу не волноваться, потому что парень может быстро влюбиться в такую девушку.

Она закатывает глаза и начинает смеяться над моей тирадой, поэтому я посылаю ее и начинаю проверять последние материалы по делу.

— У всех есть недостатки. Вы сейчас только в «конфетно-букетном» периоде. В итоге, она устанет от твоей работы и вечной занятости. Так же, как ты, в конце концов, начнешь замечать, что она делает раздражающие тебя вещи. Прямо сейчас у вас прекрасная счастливая пора, которую все любят. Вот почему так много людей женятся, едва начав встречаться. И, именно поэтому, они разводятся, когда узнают друг друга лучше.

Она снова смеется, и я откидываюсь назад, обдумывая ее слова. Я не помню, чтобы «конфетно-букетный» период был так чертовски хорош в прошлом.

— Я чересчур много думаю об этом, — говорю я со вздохом.

— Это твоя натура. Это то, почему ты так хорош в нашей работе. Но поверь мне: сейчас эта девушка может испускать токсичные отходы, которые заставят тебя надеть маску, но ты будешь думать, что это мило. Все согласно графику.

Она хлопает меня по плечу и уходит, а я смотрю в одну точку, когда получаю сообщение.

Лана: Твои боксеры удобные.

Я: Ты надела их? Не знал, что я их забыл.

Лана: Мне кажется, что ты сделал это специально. Чтобы иметь причину вернуться.

Я: У меня уже была причина.

Лана: Теперь у тебя их две...

К последнему сообщению прикреплена фотография Ланы ниже пояса, на которой, определенно, были мои боксеры. Я провожу рукой по волосам, ненавидя тот факт, что впервые в жизни не хочу быть на работе. Я всегда любил то, чем занимаюсь. Но девушка, которую я едва знаю, соблазнила меня взять мой первый в жизни больничный.

Я: Не снимай их. Я вернусь сегодня вечером и хочу увидеть тебя в них.

Лана: К счастью для тебя, у меня не было планов. И я буду в них, когда ты доберешься сюда.

Кряхтя от досады, я откладываю свой телефон и спешно просматриваю новые сводки. На горячую линию каждый день поступают все более нелепые звонки. Дело Бугимена остывает примерно так же, как и мое убийства-с-отрезанием-половых-органов.

Несколько других дел лежат на полке, так как никакой новой информации не появилось. Тех, кто убивает один или два раза в год, найти вдвое сложнее. Наше единственное горячее дело — убийство и грабеж серийника (*прим.: серийный убийца*).

Погрузившись в работу, я просматриваю некоторые зацепки, исследую фотографии. Спустя два часа, я стою у информационной доски с наработками, до сих пор пытаюсь понять, что делает этих женщин целями.

Ни одна из них не богата. Все они имеют разное происхождение. Разные национальности. Разный цвет волос.

И, несмотря на то, что все они были привлекательны, никто из жертв не был изнасилован. Импотенция — это возможно наш профиль, но... есть еще кое-что, что движет им. Есть причина, почему он выбирает и преследует конкретно этих женщин.

Я внимательно разглядываю их глаза, затем носы, рты... В голове щелкает и мое

сердцебиение учащается.

Мимо проходит Хэдли, я хватаю ее за запястье, останавливая. Я нашел то, что мы так искали.

— Лаборатория проанализировала ту глину, которую вы нашли в квартире? — спрашиваю я, погруженный в размышления.

Она кивает.

— Да. Ничего необычного. Ее можно купить в любом магазине искусства и рукоделия. И никто не знает, почему она там была. Глину не нашли ни на жертве, ни где-либо еще в квартире. Эксперты думают, что убийца принес это на своей обуви или одежде.

— Лица жертв были тщательно очищены и выбелены. Волосы сбрили, после помыли голову, а затем отбелили, — заявляю я, все еще решая задачу в уме.

— Да... Что это значит?

Я смотрю мимо нее туда, где сидит Донни.

— Донни, поищи картинные галереи в районе, где произошли кражи с убийствами.

Он выглядит озадаченным, но начинает печатать.

— Хэдли, мне нужно, чтобы ты посетила все художественные сайты, которые сможешь найти, и посмотрела, кто продает бронзовые скульптуры абриса лица. Сузь их по времени до тех, кто начал эту деятельность месяца за четыре, начиная с момента первого убийства, — продолжаю я, подходя к доске Донни.

Я поворачиваюсь, чтобы увидеть, как она стоит, растерянная.

— Сейчас же! — подгоняю я ее, и она бежит к своему столу.

Донни яростно печатает, когда я подхожу и встаю за его плечом.

— В этой части города четыре галереи. Ни одна не продает бронзовые скульптуры лиц, — говорит он, хмурясь. — Или я должен был искать что-то другое, нежели Хэдли?

— Позвони в каждую и уточни, пытался ли кто-нибудь продать им бронзовые скульптуры. Это будут только лица.

Он хватается свой телефон, чтобы сделать, как его попросили, а я возвращаюсь к своему компьютеру и запускаю нужную программу. После помещаю все фотографии жертв в ячейки, и через несколько нажатий клавиш, мои подозрения подтверждаются.

— Симметричны, — говорю я, делая длинный вдох.

— Что? — спрашивает Крейг, подходя, чтобы взглянуть в монитор.

— Он выбирает своих жертв из-за особенности лица. Совершенная симметрия. Это очень редкое явление, практически невозможное. Он выбирает их, потому что жертвы идеальные модели для скульптуры. А скульпторы творят для того, чтобы продать свои работы. Поэтому он заиклен на любом, у кого симметричные пропорции абриса. В частности, на женщинах с таким типом лица. У него также могут быть навязчивые идеи, связанные с Леонардо да Винчи.

Сканирую глазами комнату и замечаю, как Лиза подстригает ногти.

— Лиза, ищи человека, кто мог бы заказать много гравюр да Винчи или книг о нем. Сосредоточься в первую очередь на том, что вращается вокруг Витрувианского человека. Подозреваемый, скорее всего, будет одержим этой работой.

— И ты думаешь так, потому что...? — спрашивает Крейг в недоумении.

— Называй это шестым чувством. Мы раскрыли много дел из-за моих догадок.

— Да, именно поэтому ты продолжаешь получать повышения. Но как, черт возьми, ты прошел путь от глины, к грабежам и бритым головам с политым на них отбеливателем до

Леонардо да Винчи?

Отбеливатель является мерой предосторожности так же, как бритве и удаление всех волос после отбеливания головы. Он убирает все следы глины с тела. Волосы, скорее всего, сохранены для скульптур. Не все художники могут создавать великое.

— Я запутался, — продолжил Крейг.

— Да Винчи был не просто знаменит своим изобретениями или картинами. Он создавал скульптуры, над которыми до сих пор трепещут искусствоведы и историки. Сначала он рисовал их, а затем лепил из глины или пчелиного воска — в зависимости от того, какую из версий ты слышал. После он отливал их из бронзы, чтобы создать шедевр. Человек, который зациклен на нем и на симметрии, но не может создать искусство из ничего. Вот кого мы ищем.

— Ничего, — говорит Хэдли, выглядя расстроенной. — Несколько моделей сделаны из чего угодно, но только не бронзы. Это точно должна быть бронза? — спрашивает она.

— Да, — говорю я, убежденный, что это верный мотив. — Это объясняет грабежи. Он продал ценности, которые украл, чтобы купить необходимое количество этого сплава. Это не дешевое удовольствие.

— Мы прочесали ломбарды и интернет-сайты, ища тех, кто продает подобные вещи, — вмешивается Донни.

— Подпольные торговцы ни за что не выдадут себя из-за такой мелочи. На любые вопросы они будут лгать, чтобы не потерять прибыль. Если этот парень использует подобную схему, то он сделал свою домашнюю работу и знает, где безопасно это сбыть.

Донни возобновляет обзвон, а я делаю то, что, скорее всего, ни к чему не приведет. Я открываю сайт Ланы. Вчера вечером она упомянула, что оставляет информацию и сами лоты на месяц после того, как продает их, чтобы люди не беспокоились о дальнейшей судьбе экспоната.

Я прокручиваю в раздел с украшениями, так как именно они были украдены. Но ничего похожего не нахожу. Возможно, я просто искал предлог, чтобы поговорить с ней. Я жалок.

— Кое-что нашел! — произносит Донни, привлекая наше внимание, пока возвращается к телефонному разговору. — Да. Он не оставил номер телефона или адрес, чтобы с ним можно было связаться?

Он что-то царапает в блокноте, пока мы все подходим. Я надеваю пиджак и прячу в кобуру пистолет. Кажется, мне снова понадобится дорожная сумка. К счастью, там была пара сменных костюмов.

Парень кладет трубку и поднимает бумажку.

— У них есть клиент, который приходил в две из четырех галерей, пытаясь продать им «растущий» набор бронзовых голов.

— Похоже, мы летим в Нью-Йорк, — говорит Крейг, глядя на меня так, будто я чертов единорог. — И я полагаю, что мы получим этот дебильный вертолет, поскольку самолет Департамента уже на вызове. Почему у нас нет нашего собственного частного самолета, как в кино или типа того?

Хэдли фыркает, я же достаю телефон и набираю номер, что, на самом деле, плохо.

— Да, я все еще в боксерах. И ем мороженое, — говорит Лана, звуча весело и чертовски волнительно.

Меня раздражает то, как сейчас все не вовремя. Обычно я бываю крайне взволнован прорывом в подобных делах.

— Хотел бы я быть рядом, чтобы увидеть это, — говорю я, делая глубокий вдох, хватая и засовывая в сумку жилет и другие предметы первой необходимости.

— Ты вынужден отменить, — спокойно говорит она. Ее голос лишен каких-либо эмоций, и я не могу прочесть ее.

— Прости меня, — я чувствую, что надо привыкать произносить эти два слова, если она продержится достаточно долго, чтобы я мог повторять их раз за разом. — Мы нашли новые зацепки в деле. По крайней мере, я на это надеюсь. Мне нужно уехать из города прямо сейчас.

— Не извиняйся, Логан. У тебя есть работа — важная работа. Я восхищаюсь тобой и тем, что ты делаешь. Ты закрываешь монстров, и я думаю, что ты на самом деле чистишь этот мир, а не просто зарабатываешь плюсики в свое резюме.

Странный получается разговор.

— Я определенно ищу правильных людей. Что ты имеешь в виду?

— Это просто... я изучала криминологию, когда ходила в колледж. Казалось, что многие аресты были произведены, чтобы просто закрыть дело и добавить еще одну золотую звезду к чьей-то репутации. Если преступления прекращаются, люди предполагают, что убийцы за решеткой. Если же повторяются, они называют это подражанием, но никогда не допустят возможность своей ошибки.

Я не понимаю, что конкретно она изучала. Ребята не портят репутацию ФБР в подобных классах. Во всяком случае, я знаю, что они поют дифирамбы нашим ребятам.

— Так ты изучала криминологию? Но не присоединилась к правоохранительным органам?

— Решила, что у меня желудок слабоват для такой работы, — говорит она сухо. — Копаться в крови и кишках не мое.

Определенно, она не тот человек, который мог бы справиться со всем этим дерьмом, если у нее слабый желудок.

— Ты сможешь написать или позвонить из поездки? — спрашивает она с надеждой.

— Определенно. Скорее всего, я напишу тебе из вертолета, чтобы снова извиниться.

— Серьезно, не извиняйся. Никогда. Ты меняешь мир к лучшему. Я буду эгоистичной стервой, если буду ожидать, что ты будешь со мной, когда кто-то нуждается в помощи. Напиши, когда сможешь.

Я останавливаюсь и прислоняюсь к стене на лестничном пролете, улыбаясь в никуда.

— Могу я сказать тебе позже, что ты идеальна?

Она смеется, а затем кашляет, чтобы подавить смех.

— Поверь мне, когда я говорю, что нахожусь на противоположном конце шкалы совершенства.

— О, увижу ли я однажды эти недостатки?

На некоторое время она затихает, и мне приходится проверить, не прервалась ли связь. Наконец, после долгого молчания, она отвечает.

— Молюсь, чтобы этот день никогда не настал, — говорит она тихо. — Теперь иди и поймай плохого парня. Можешь ли ты поделиться информацией, куда летишь? Я помню, ты говорил, что иногда появляешься в новостях. Если это против правил, тогда не говори мне, не хочу ставить тебя в неудобное...

— Я еду в Нью-Йорк. Если все пойдет хорошо, это будет на всех основных каналах. Сейчас серьезный момент и все может пойти не по плану. Я иду по профилю, который

создал сам несколько минут назад. Для протокола, я не должен никому этого рассказывать.

— Зачем тогда говоришь мне? — строго спрашивает она.

— Потому что хочу, чтобы однажды ты стала кем-то.

Я не говорю ей, что тщательно проверил ее, чтобы удостовериться, что она не преступница-язычница или что-то подобное. Лучше всего, если это доверие начнется сейчас.

— Что ж, когда-нибудь, надеюсь, я стану кем-то для тебя. До тех пор, не говори мне тех вещей, которые нельзя рассказывать.

— Почему? — спрашиваю я, удивленный, что это так ее разозлило.

— Потому что уважаю тебя. И не хочу, чтобы ты думал, что я ожидаю от тебя большего. Это о нас. Не о твоей работе. Пожалуйста. Пообещай мне, что ты никогда не расскажешь мне того, о чем мне лучше не знать.

Да... Говорю тебе, она совершенство.

— Договорились, красавица. Сохрани мои боксеры. Я напишу тебе или позвоню чуть позже.

— Логан?

— Да?

— Во что бы то ни стало, вернись невредимым. Это единственное, что я когда-либо ожидаю от тебя. Выживи.

Я медленно растягиваю губы в улыбке.

— Это я могу пообещать.

Глава 10

Истина — это то, что выдерживает испытание опытом.

А. Эйнштейн

Лана

— Ты встречаешься с чертовым агентом ФБР? — кричит Джейк на другом конце провода. Я издаю стон, отрываю телефон от уха и, одновременно, паркуюсь через дорогу от ресторана, где планирует обедать Тайлер.

Я голодна, а мы не можем получить визуальный контакт из офиса, поэтому я буду наблюдать прямо из зала, так как в этом ресторане у него зарезервирован столик.

У меня все чешется под блондинистым париком, и эта красная помада определенно заставляет меня выделяться. Добавьте еще темные солнцезащитные очки и облегающее платье, которое на мне надето, и я не выгляжу как Лана Майерс. Просто на всякий случай.

— Я уже объяснила, как это произошло, — говорю я Джейку, мечтая, чтобы это не звучало, как оправдания.

— И ты находишься в Нью-Йорке, где сейчас находится он.

— Тайлер здесь. Вот почему я приехала в Большое яблоко. Он совершил незапланированную поездку сюда, поэтому я забеспокоилась. Возможно, он приехал навестить Лоуренса. А это наша следующая цель. У него заказан столик на двоих, Джейк.

Он тяжело вздыхает.

— Нью-Йорк далеко от западной Виржинии. Что он там делает?

— Я не знаю. Но я видела его в здании, где работает Лоуренс.

— СМИ пока не ухватились за нашу историю.

— Да, но это не означает, что они не в курсе, что несколько их друзей недавно покинули этот мир.

Он замолкает, а я смотрю на ресторан. Тайлер зарезервировал столик на обеденное время на двоих. Вот что я узнала из клонированного телефона. Но он не переписывался с Лоуренсом. Я не уверена, кому он вообще писал.

— Джейк? Ты все еще здесь?

— Нет, — говорит он приглушенно. — Я прямо напротив тебя.

Я выглядываю в окно, чтобы увидеть парня с козлиной бородкой, темными очками и палкой... Я не уверена, как это называется, но выглядит подозрительно похоже на трость для слабовидящих. Его волосы также были обесцвечены.

Полагаю, мы оба сохраним инкогнито.

Я вылезая из машины, изогнув бровь.

— Офигеть!

Он фыркает, но затем поджигает губы.

— Так ты решил приехать в Нью-Йорк, не сказав мне? — спрашиваю я, скреживая руки на груди.

Он небрежно пожимает плечами.

— Ты сделала то же самое. У меня есть тот же телефон, что и у тебя, помнишь? Я знал, что ты будешь здесь.

Он тычет в меня пальцем.

— Не думай, что ты прощена за делишки с агентом ФБР. Этот разговор приостановлен, но не закончен.

Я стону, а он ухмыляется, протягивая мне руку.

Он выглядит очень классно в своем костюме. Я же в своем наряде выгляжу, как снятая им высокооплачиваемая проститутка.

— Хорошо выглядишь, между прочим, — шепчет он, пока ведет меня по тротуару.

— Великая похвала от человека, который притворяется слепым, — говорю я, хлопая глазками.

Он сдерживает улыбку, когда мы заходим внутрь.

— Столик для Демарко, — говорю я хостесс. — Мы просили место на террасе, так как сегодня на улице прекрасная погода.

Тайлер сделал аналогичную бронь.

Она улыбается мне, обращаясь со мной так, будто я не похожа на девушку по вызову со своим Джоном.

— Конечно. Пройдемте, — приглашает она, воздерживаясь называть меня миссис Демарко, на случай, если это имя моего спутника.

Думаю, они привыкли к таким вещам.

— Ты заставляешь меня выглядеть, как шлюха, — шиплю я себе под нос.

Джейк прикрывает смех кашлем, и я останавливаю себя от того, чтобы проткнуть его ногу шпилькой.

— Почти уверен, что ты делаешь это сама. Пытаешься выделиться?

— Пытаюсь остаться неузнанной.

— Хорошая работа.

— Ха, — ворчу я, когда милая хостесс показывает нам наш столик.

Она сверкает своими белоснежными зубами в самой настоящей, искренней улыбке.

Может быть, она просто дружелюбная девушка.

— Ваш официант подойдет к вам через мгновение. Приятного отдыха, — говорит она, все так же, не используя имена.

Когда она уходит, я переключаю свое внимание на Джейка. Его очки тонированы, поэтому совершенно не понятно, куда направлен его взгляд. Это позволяет парню наблюдать и оставаться незамеченным.

— Умно, — замечаю я, насмешливо растягивая слова с глубоким южным акцентом. Джейк улыбается.

— Знал, что ты оценишь, — говорит он, поправляя аксессуар.

Наш столик достаточно удаленный, чтобы можно было свободно говорить, но я осматриваю помещение на предмет камер, которые могут подслушать.

— Две над нами, — говорит Джейк, угадав, почему я оглядываюсь. — Я могу слышать пение птиц. Звучит, будто сработала тревога.

Что означает «кодируй или напечатай текстом». Поняла.

Они, должно быть, записывают звук, раз он предупреждает меня об осторожности.

— Ты прав. Две птички прямо там. Никогда не пойму, как ты это делаешь, — говорю я ему, сохраняя южный акцент, который совершенно случайно уже применила.

— Мне все еще нравится твой акцент, — говорит он мне, ухмыляясь.

Придурок.

Боковым зрением замечаю, что Тайлер входит в ресторан. Мой желудок ухает вниз, когда я вижу рядом с ним Лоуренса. Они садятся через два столика от нас, и Джейк протягивает мне что-то под столом. Я чувствую движение и точно знаю, что мне нужно забрать.

Я делаю вид, будто обронила серьгу, и поднимаю руку, чтобы якобы поправить ее под длинной гривой светлых волос, что идеально скрывает мои уши. Вместо того чтобы дотронуться до серьги, я вставляю маленький наушник, который только что передал мне Джейк.

Ласково поглаживая руку Джейка, как мне и полагается по легенде, я притворяюсь, что посвящаю ему все свое внимание.

— Я полагаю, ты расскажешь мне, как прошел твой день, после того, как мы поедим? — спрашивает он, используя разговорный код.

— Как всегда, дорогой.

Он едва удерживается от смеха, но моя улыбка исчезает, когда я слышу, как Тайлер и Лоуренс тихо переговариваются между собой.

Наушник усиливает громкость слов, если он обращен к тому, кого я хочу услышать. Поэтому я держу голову наклоненной в сторону Джейка, будто смотрю на него с любовью.

— Это должен быть Дев, чувак. Нет никого, кто хотел бы отомстить за ту ночь, — говорит Тайлер.

Итак, они встречаются из-за меня. Тайна раскрыта.

— Не может быть, — пренебрежительно усмехается Лоуренс.

— Спусти пару ночей у него случился срыв. Он сказал, что мы зашли слишком далеко. Парень, черт возьми, плакал, чувак! Ревел, как маленькая сучка! Сказал, что мы больные. Это он. Этот ублюдок, наконец, сломался. Он думает, что он невиновен, потому что не пачкал свой член в ту ночь, и теперь убирает нас по одному.

Краем глаза я замечаю, как Лоуренс качает головой. Я вожу вверх и вниз по руке

Джейка, делая вид, что погружена в размышления, когда я читаю ему вслух меню, но, на самом деле, все мое внимание привлекает беседа за соседним столиком.

— Нет. Это не он. Я говорил с его сестрой, и она сказала, что он последние два месяца находится в Мексике, на церковной миссии.

Честно говоря, Дев — единственный, с кем я еще не решила, что делать. Он один проявил раскаяние, и, по сути, его заставили быть там в ту ночь. Но он никоим образом не был жертвой, потому что мог заговорить и сделать что-нибудь... что угодно.

В настоящее время, его нет в моем списке смертников. Но он в колонке «Десять пальцев».

Джейк устал находится в неведении, поэтому он аккуратно убирает руку и помещает другой усилитель звука в свое ухо. Он достаточно маленький, чтобы никто не увидел его до тех пор, пока не заглянет непосредственно в место размещения. Даже тогда могут подумать, что это слуховой аппарат, а не подслушивающее устройство.

— Я говорю тебе, это не он. Поверь мне. Я ставлю на то, что он даже ничего не слышал об этом, а Мелисса прислала мне фотки, как он проводит миссию. Он каждый день пишет ей, — возражает Лоуренс.

— Думаешь, Мелисса не может покрывать его? Она его чертова сестра.

— Она влюблена в меня с тех пор, как мы были детьми. Поверь мне, она не имеет представления о том, что мы сделали, и не замешана в этом никоим образом. В любом случае, Мелисса не выгораживает брата.

— Мне кажется, это он. Других вариантов просто нет.

Лоуренс оборачивается, на мгновение, останавливаясь на нашем столике. Затем его взгляд продолжает свой путь, рассматривая нескольких человек, находящихся на террасе. И снова возвращается к Тайлеру.

— Это не он. В ту ночь, когда он взбесился, как ты думаешь, кто вернул его в строй?

Тайлер выглядит сбитым с толку.

Наша официантка приносит немного хлеба, и Джейк делает заказ, поэтому становится труднее что-либо расслышать, когда так много людей вокруг говорят одновременно. Я напрягаюсь, следя за тем, чтобы ничего не пропустить, заставляя себя пережевывать кусок хлеба, предварительно обнаружив, что у меня нет аппетита.

— Что ты сделал? — слышу я вопрос Тайлера.

— Я сказал ему, что произошедшее с Викторией может случиться и с Мелиссой, если он когда-нибудь скажет хоть слово о той ночи. После этого они покинули город, и он начал проповедовать Евангелие. Вот как он искал покаяния. Ради бога он не убивает людей, — шипит Лоуренс.

Он, вероятно, только что спас Деву десять пальцев.

И язык. Я собиралась лишить его и языка. Это была особенная колонка, которую я создала специально для него.

— Тогда кто-то еще знает?

— Мне кажется, что это довольно очевидно, не находишь?

— Да.

Лоуренс хлопает себя по голове, будто он раздражен. Они ведут себя так, будто это обычный разговор за поздним обедом. Полагаю, именно поэтому они выбрали ресторан, в котором не так уж много посетителей.

У Лоуренса есть сосед по комнате. У Тайлера — жена. Я понимаю, почему они не

встретились у кого-нибудь дома, чтобы обсудить это, но почему бы не сделать это по телефону?

— Весь город ненавидел их после того, что сделал их отец. Только один человек по-прежнему относился к ним хорошо. Подсказка: его отец был адвокатом и защищал этого ублюдка.

Тайлер сразу отрицательно качает головой.

— Нет, я видел Джейкоба два года назад. Наткнулся на него, когда был по делам компании. Мы ударились кулаками. Он даже предложил мне выбраться куда-нибудь вместе. Если бы он знал, то наехал бы на меня. Я уверен, что они оба умерли до того, как он узнал правду. И он уехал из города после того случая, так что маловероятно, что это Джейкоб.

Лоуренс откидывается в кресле, выглядя сбитым с толку. Джейк же сжимает мою руку чересчур сильно.

Я помню эту встречу. Джейк тогда был фрилансером, а Тайлер работал рядом. Это было все, что Джейк мог сделать, чтобы не убить его. Он знал, что у нас есть план и что эта игра — моя. Он знал, что ему нужно сыграть свою роль: быть мозгом. Моя же часть — стать их худшим кошмаром.

— К тому же, — продолжает Тайлер, — он в инвалидной коляске. Авария на мотоцикле пересадила его в нее несколько лет назад.

Джейк хлопает меня по ноге со сдержанной улыбкой на губах. Мы все продумали.

— Тогда я не знаю никого другого, кто бы разозлился из-за дочери-шлюхи и пидорасынника насильника, — холодно говорит Лоуренс.

Меня тянет блевать от того, как он отзывается о моем брате. Мой хороший, честный, сильный, любящий, невероятный брат, который никак не заслуживал того, чтобы быть изуродованным и... Он перенес такое, чего он никоим образом не заслуживал.

Из-за них я лишилась всех. Из-за них лучший человек, который когда-либо ходил по земле, умер, прежде чем смог осветить мир своей улыбкой.

И они думают, что это нормально, потому что он был геем. Они думают, что это нормально, потому что у меня был секс с двумя парнями перед той ночью.

Они думают, что это нормально — так жестоко наказать нас за любовь к нашему отцу...

Джейк прочищает горло, и я понимаю, что теперь моя хватка слишком крепкая. Мои ногти врезаются в его руку.

Ослабив давление, я продолжаю слушать, размышляя, сколько еще я могу выдержать, прежде чем перережу им обоим горло прямо здесь.

Лоуренс может умереть раньше, чем я планировала. Я могу связать их вместе и позволить поплакать друг у друга на плече, пока буду разрезать их на куски.

— Может быть, это даже не связано, — пожимая плечами, говорит Лоуренс. — Просто не пускай никого в свой дом некоторое время, и скажи своей жене сделать то же самое. В моей квартире установлена система безопасности. Ты тоже должен установить. Не то чтобы это имело значение. По словам папы, они входят в дома без каких-либо признаков взлома.

— Бл*ть, — шипит Тайлер. — Ладно. Я установлю что-нибудь.

Входные замки без ключа — мои лучшие друзья. Легко поймать код на камеру. Также легко получить набор ключей и сделать копию, если они используют стандартные замки. Складывается ощущение, что меня приглашают.

Еще одна причина, чтобы держать их подальше от следов мертвой девушки.

У меня кружится голова. Впервые я не слышу, чтобы они просили прощения, когда

поднимается эта тема. Обычно они не сожалеют, пока я не прижимаю нож к их коже.

У них не будет шансов произнести такое дерьмо, когда я заставлю их реветь, просить прощения и умолять сохранить жизнь. Я никогда не была так рада и не получала такое удовольствие от этой забавной части.

Их разговор переходит к обсуждению лучших систем безопасности, и я пытаюсь успокоиться и не дать себе воплотить свои кровавые мечты.

— Думаю, нам стоит подумать о том, чтобы завести двух птиц для нового дома. Что думаешь? — спрашивает Джейк, явно думая о том же, о чем и я.

— Думаешь, мы сможем сделать это за такой короткий срок? — спрашиваю я его, сладко улыбаясь, хотя вкус мести обжигает мой язык.

— Думаю, что да. Может быть, дополнительная неделя максимум. Возможно, нам также удастся найти лучшее место для них, для дополнительной безопасности.

За старым домом Тайлера находится убежище, которое используют при штормах и ураганах. Оно все еще продается. Я могла бы разместить их обоих там, и Джейк придумал бы что-нибудь, чтобы не позволить риэлторам войти, пока я буду занята, убивая сразу двух мальчиков.

— Я не так голоден, как думал, дорогая, — говорит Джейк, когда официантка приносит нам еду.

— Я тоже, — говорю я, вонзая нож в стейк гораздо сильнее, чем необходимо.

Тайлер и Лоуренс больше ничего не говорят о том, что нас интересует. В основном я слышу, как несколько человек за соседними столиками делают ставки, действительно ли я проститутка или нет.

Как только Тайлер собирается уходить, Лоуренс останавливает его.

— Заведи одноразовый телефон. Появится какая-то информация, звони мне с него. Никаких больше личных звонков. Понял?

Так значит одноразовый телефон? Как мы могли упустить это?

Тайлер кивает, а мы с Джейком переглядываемся.

— Если мы узнаем, кто это, нам не нужно, чтобы нас можно было с этим связать, когда мы возьмем дело в свои руки. Согласен? — спрашивает Лоуренс.

— Я бы посмотрел на их гребаные попытки, — шепчет Джейк.

Мои губы дергаются. Я никогда не была так взволнована перед убийством.

Мы выжидаем некоторое время, позволяя Тайлеру уйти, прежде чем поднимаемся из-за столика. Когда мы проходим мимо стола Лоуренса, его рука поднимается, хватая меня за запястье. Мой желудок делает сальто, а сердце бешено бьется в моей груди. Я борюсь со всеми своими инстинктами, чтобы не разорвать его горло здесь и сейчас.

Я опускаю глаза вниз, уставившись на него.

Ублюдок подмигивает мне и вручает свою визитку. Я быстро беру ее, пытаюсь ускользнуть от него.

— Позвони мне как-нибудь, дорогуша. Девушка, что выглядит как ты, нуждается в мужчине, что будет ценить ее прелести.

Я одариваю его ослепительной улыбкой, подмигиваю ему и осторожно убираю его руку. О, ему будет на что посмотреть. Я окрашу стены его кровью и кровью Тайлера. И позволю им смотреть на это, пока они будут медленно умирать.

Это будет очень красиво.

Как только мы выходим на тротуар, я практически спотыкаюсь о свои собственные

ноги, прячась за Джейка. И с недоверием наблюдаю, как из подъехавшего внедорожника выпрыгивает Логан.

Нью-Йорк слишком большой для таких совпадений.

На обочине стоит грузовик с едой, и они с мистером Высокомерие подходят к нему. Оба улыбаются, будто это отличный день. Одеты они в повседневную одежду — джинсы и футболки, не их типичные строгие костюмы и прочее. Я что-то пропустила?

— Что? — шепчет Джейк, смотря на них, а потом на меня.

— Парень, — шепчу я в ответ.

Он выдыхает, прежде чем выругаться, и тащит меня к нашей машине, которая, слава Богу, не зарегистрирована на имя Ланы Майерс. Это одна из моих «одноразовых» машин, но она припаркована слишком близко к внедорожнику Логана.

Вселенная подает мне очень смешанные сигналы. Сначала она спасает пальцы и язык Дева. Затем, наградив меня дополнительной информацией, обрекает двух мужчин на более жестокую смерть за один поздний обед. Теперь она ставит меня прямо перед мужчиной моей мечты?

— Ты в конечном итоге будешь управлять ФБР. Это было бы потрясающе! — говорит мистер Высокомерие с искренним трепетом в голосе.

— Это не то, что мне нужно. Я просто рад, что мы добились чертова чистосердечного. Это гарантирует скорое возвращение домой.

Мистер Высокомерие стонет, а Джейк продолжает толкать меня к машине. Мой наушник все еще работает, что увеличивает громкость и позволяет хорошо слышать их разговор, несмотря на шум на улице. Я держу его направленным исключительно на беседующих мужчин, что вынуждает меня стоять с наклоненной головой.

— Возвращение домой к Ледяной королеве? — говорит парень с оттенком сарказма в голосе.

Могу поспорить, что это Картер. Или его звали Крис? Крейг? Я не могу вспомнить.

Логан улыбается так чертовски прекрасно.

— Да. Не ревнуй.

Парень с именем на «К» закатывает глаза, а я в этот момент выгляжу, как падающая в обморок девушка, одновременно пытаюсь ползти на своих шпильках. Мое сердце кровоточило несколько минут назад, но только вид Логана успокаивает боль.

— Когда ты возвращаешься? — спрашивает мистер Высокомерие.

— Я хочу убедиться, что за доказательствами следуют надлежащее исполнение, и мы наглухо закроем гада. Он не должен когда-либо выйти.

— Чертов да Винчи. Дерьмо в твоей голове пугает.

Я понятия не имею, что это значит.

— Ты и представить себе не можешь, что крутится в моей голове, Крейг. Мне нужно позвонить своей девочке, поэтому закажи мне бургер.

Черт!

Когда Джейк открывает дверь машины, я переключаю свой телефон в беззвучный режим, сожалея, что вынуждена перевести Логана на голосовую почту. Я забираюсь внутрь, снимаю наушник, и позволяю своему сердцу успокоиться, наблюдая за вызовом Логана. Вздохнув, я отбрасываю аппарат в сторону и поворачиваюсь к Джейку, который смотрит на меня сверху вниз.

— Мы позже поговорим об этом.

Кивнув, я позволяю ему закрыть дверь. У меня по плану два убийства, парень, с которым нужно увидеться, и лучший друг, которого нужно задобрить. И по каждому вопросу не все гладко.

Я просто типичная американская женщина.

Или типичный американский психопат?

Глава 11

Единственная причина, по которой все случается не сразу — время.

А. Эйнштейн

Логан

— Значит, твоя девушка типа богатенькая, — говорит Хэдли, плюхаясь рядом со мной.

— Ты заглянула в ее финансы? — спрашиваю я строго. — Это вторжение в частную жизнь!

— Ну, я просто посмотрела одним глазком. Она не подозреваемая или что-то вроде этого, поэтому я не нарушаю никаких грандиозных правил.

— Только закон, — сухо заявляю я.

Она улыбается.

— Меня завербовали из-за моих навыков работы с компьютерами и блокирования веб-сайтов, которые не должны были быть открыты. Меня пригласили в качестве эксперта. Никогда еще я не пользовалась служебным положением. И я просто мельком взглянула. Честно. А если серьезно, она реально богатая. На что похож ее дом?

Простонав, я качаю головой. Хэдли определенно не агент ФБР, потому что она святая со значком. Она была в команде, потому что это был ее выбор: тюрьма или работа с нами.

— Никому не говори, что сделала это, — бормочу я, заканчивая собирать материалы по делу для представления окружному прокурору.

— Да, — говорит она, ухмыляясь. — Так на что похож ее дом? Я, правда, хочу знать.

— Ничего кричащего. Двухэтажный белый дом, выглядит очень симпатично. Она приехала недавно, поэтому на стенах нет ни картин, ни чего-либо еще. Полы везде качественные, но никаких мраморных статуй или золотых перил, если ты об этом спрашиваешь. И ее подъездная дорожка похожа на декорации из «Сонной Лощины», что совсем не соответствует милому дому в конце пути.

Она вздыхает, словно разочарована.

— Я хотела особняков и лебедей в озере. Черт. Зачем все эти деньги, если у тебя нет хорошего дома?

— Некоторые люди скромны, Хэдли. Я бы никогда не подумал, что она богата.

Разговор о Лане заставляет меня снова вспомнить о ней. Я волнуюсь, что продемонстрирую навязчивое поведение. И я не уверен, что мне это нравится.

Она не отвечала на мои звонки весь день, и на мои смс тоже. Поэтому я удивлен, когда, наконец, от нее приходит сообщение.

Лана: Прости!!! На этот раз нам помешала моя работа. Была безумно занята и под рукой был только рабочий телефон. Вернулась в город только несколько минут назад.

Я не знал, что у нее есть рабочий телефон или что она собиралась в деловую поездку. Но мне приятно, что меня не динамили.

— Это она? — спрашивает Хэдли, напоминая, что она все еще находится рядом.

— Уйди, Хэдли. У нее нет озера с лебедями.

Она бормочет что-то о пустой трате денег, прежде чем обиженно уходит.

Я начинаю писать сообщение Лане, но передумываю, потому что хочу услышать ее голос. Направляясь к своей машине, я набираю ее номер.

— Привет! — отвечает она, немного задыхаясь. — Прости меня еще раз. Я, правда, была занята, и, как уже сказала, у меня не было телефона, и...

— Не извиняйся. Просто скажи, что я снова смогу тебя увидеть. Я вернулся домой. Дело закрыто, поэтому у меня будет пара выходных, в качестве награды. Почему ты задыхаешься?

— Только что закончила тренировку. И у меня тоже ровно два выходных. Мой бизнес-партнер переделывает кое-что, чтобы я могла в этом месяце немного потрудиться.

Она никогда не говорит о своем бизнесе, а слова Хэдли наводят меня на размышления. Если она так богата, почему так много работает? Почему бы не нанять людей?

— Значит, у нас есть два дня наедине? — размышляю я, положив несколько незакрытых дел в сумку.

— Да. И я все еще в твоих боксерах. Фактически. Как только я закончу принимать душ, я собираюсь надеть их.

— Есть ли шанс, что я смогу присоединиться?

— Так это и было приглашение, — говорит она сухо. — Я действительно отстойна в таких тонкостях, да?

Усмехаясь, я сажусь в свою машину и начинаю отъезжать. Я совершенно точно готов немного отдохнуть. Хотел бы я взять свежую одежду из дома, но на это жалко тратить время.

— Подожди! Я кое-что придумала. Что если я приеду к тебе домой? Ты видел мой. Покажи свой.

Ну, это решает проблему с одеждой.

— Ничего особенного, но мне бы очень хотелось, чтобы ты увидела мою спальню.

Она хихикает себе под нос.

— Я могла бы оставить свои трусики в качестве причины для возвращения.

— Я не стану их носить и есть мороженое, — говорю я, радуясь, что могу ее рассмешить.

— Буду знать. Если ты дашь мне адрес, я приму душ и подъеду туда. Ты сейчас дома?

— Только покинул офис.

— Хорошо. Тогда я потороплюсь. Пришлите мне адрес, агент Беннетт.

— Возвращаемся к агенту Беннетту?

— Я буду звать тебя Логаном позже вечером, — шутит она, вызывая немедленную реакцию моего своенравного отрока, который забыл, что мне уже ближе к тридцати, чем к восемнадцати.

— До встречи.

Я вешаю трубку и посылаю ей смс с адресом. Мне, наверное, тоже нужен душ. Славно, что у меня остается на это время. Также я решаю заскочить в магазин и прикупить продуктов, чтобы приготовить еду. Нам не придется идти куда-либо. У нас есть два дня, и все, что мне нужно делать, это тратить каждую секунду, чтобы контролировать зависимость.

Я быстро делаю покупки, загружаю свой багажник и спешу домой. Мой телефон звонит, как только я переступаю порог своего дома. Я издаю стон, когда вижу, что это Крейг.

— Пожалуйста, не говори, что мне надо вернуться.

— И тебе привет, АСС (*прим.: агент секретной службы*) Логан Беннетт. Я думаю, что у нее золотая киска, если человек, болеющий своей работой, не хочет возвращаться к ней.

— Крейг, если ты хочешь продолжать быть симпатичным на камеру, я бы посоветовал больше не говорить о киске Ланы.

— Верно. Понял. Как бы то ни было, ты сказал мне позвонить, если появятся новые зацепки. Хэдли наконец выяснила тип ножа, который использует Бугимен в своих убийствах. Я перешлю тебе фото.

— Спасибо, — ворчу я, чувствуя себя не таким благодарным, каким следовало бы.

— Не переживай, Логан. Никто не ожидает, что ты вернешься на работу сегодня вечером или даже завтра. Ты закрыл большое дело, спас чьи-то жизни. И, черт возьми, ты заслужил отдых. Никто, блять, не сложил бы воедино кусочки о навязчивой идее да Винчи с глиной.

— Там были и другие факты, — замечаю я.

— Да. Симметрия, — говорит он наотрез.

— И еще.

— Я разрешаю тебе вернуться к своим двум дням спокойствия.

Он вешает трубку, как раз в тот момент, когда приходит смс от Ланы.

Лана: Мой GPS говорит, что я буду на месте через тридцать минут. Хотела узнать, смогу ли я сократить путь на несколько минут?

Улыбка растягивает мои губы, когда я отправляю ей ответ.

Я: Не пиши мне, пока ты за рулем.

Лана: Угрожаешь арестовать меня?

Смеясь, я убираю свой телефон. Лана — не та девушка, которую я вначале посчитал отстраненной. Возможно, одинокая, но не отстраненная. Я пришел к выводу, что мы очень похожи. Мы оба живем обособленно, но не лишаем себя возможностей.

Разложив продукты по местам, я начинаю раздеваться и тут же кривлюсь, когда улавливаю запах выхлопных газов от вертолета на себе и одежде. Как я сразу не почувствовал, что плохо пахну?

Я направляюсь в душ, когда на мой телефон приходит сообщение от Крейга. Как и обещал, он отправил фотографии. Нож абсолютно обыкновенный. Но, по крайней мере, мы выяснили модель и тип, чтобы сообщить полиции ориентировки, если мы когда-нибудь до него доберемся.

Не если. А когда. Я поймаю этого ублюдка.

Изучение фотографий с предполагаемым орудием убийства заставляет меня потерять счет времени и очнуться только от стука в дверь.

Твою мать!

Я потерял тридцать минут, просматривая дело, вместо того чтобы сходить в душ.

Мысленно проклиная себя, я бегу к двери. Когда я ее распахиваю, успеваю заметить только гриву темных волос, прежде чем Лана падает в мои объятия, а ее губы обрушиваются на мои.

Я совершенно уверен, что это адское пламя. Я упиваюсь ей, пробую ее, вдыхаю... Это, черт возьми, невероятно!

Спустя время, я неохотно прерываю наш поцелуй, и она делает шаг назад, улыбаясь мне. Мне нравится эта улыбка и как свободно она дарит ее миру.

— Я пахну, как дерьмо.

Она смеется и качает головой.

— Ты пахнешь как... Если быть честной, я понятия не имею, что так пахнет.

— Вертолет. Я быстренько схожу в душ, и мы вернемся к тому, на чем остановились.

Устраивайся поудобнее. Это не займет много времени.

— Я не против этого запаха, — говорит она, кусая эту чертову нижнюю губу, из-за которой мой член протестует против моих гигиенических потребностей.

— Пять минут. Это все, что я прошу.

Она хлопает длинными ресницами. Ее улыбка становится шире, когда девушка осматривает мой дом, останавливая взгляд на мелочах. Мой пистолет лежит на столике в гостиной, и она обходит его, словно он может укусить ее.

— Он на предохранителе, — говорю я ей, подмигивая, прежде чем сбегаю в ванную и пытаюсь максимально быстро помыться.

Спустя несколько минут я уже заканчиваю вытираться, надеваю боксеры и возвращаюсь, чтобы найти Лану у кухонного островка, листующую дело Бугимена.

— Это жестоко, — говорит она, хмурясь на меня. — Это тот парень, которого вы поймали?

— Прости. Это моя вина. Ты не должна была это увидеть. Я впопыхах оставил это на видном месте.

Она хмурится.

— Насколько я знаю, закрытые дела не засекречиваются.

— Старые закрытые дела не засекречиваются — верно. Свежие же наоборот. Но это дело еще даже не закрыто. Это активное расследование, с которым я должен обращаться с осторожностью, и не бросать его лежать, где попало.

Она поджимает губы, пока делает большой шаг назад.

— Это ты меня извини. Я не знала. Я просто посмотрела и... я не должна была начинать читать его. Прости.

Пожимая плечами, я обратно притягиваю ее к себе за талию. Хочу прикоснуться к ней. Я понятия не имел, как сильно нуждался в тактильном контакте, пока она не приехала.

— Как я уже сказал, это моя вина. И раз уж ты все равно увидела это, как насчет того, чтобы высказать свое мнение?

Ее брови взлетают вверх.

— Мое мнение? По моему мнению, этот парень болен. Женщины, изнасилованные и брошенные, чтобы медленно истекать кровью от множественных колотых ранений... Во всяком случае, я так думаю.

— Я имел в виду, что ты думаешь по поводу профиля подозреваемого, которого мы ищем?

Она поджимает губы.

— Я едва взглянула.

Я открываю папку с файлами и раскладываю их. Далее я показываю ей фотографии на своем телефоне.

— Ты верно отметила, что он оставил своих жертв истекать кровью, вместо того, чтобы убить сразу. Это действительно важно для профиля. Мне интересны твои дальнейшие соображения.

— Я не хочу доставлять тебе неприятности, Логан. Тебе не следует делиться со мной подобным, — говорит она, хмурясь.

— Прямо сейчас, они бы ничего со мной не сделали, если бы узнали, что я делюсь подробностями дела со своей девушкой. Я задира. Просто прочитай это и озвучь мне свои мысли.

Почему-то на ее губах появляется улыбка. Она заправляет волосы за ухо и наклоняет голову, прежде чем начинает читать файлы.

— Это беспокоит тебя? — размышляю я, вспоминая, как она говорила, что от таких вещей у нее болит живот.

— Ты назвал меня своей девушкой, — тихо произносит Лана.

Моя улыбка становится шире. Я наклоняюсь и целую ее обнаженное плечо, поскольку на ней надета майка.

— Насколько я понимаю, ты — моя девушка.

Она прочищает горло, я же откидываюсь назад и наслаждаюсь ее румянцем.

Лицо девушки становится серьезным, когда она начинает внимательно изучать файлы, читает их и рассматривает детали.

— На первый взгляд, все выглядит так кроваво из-за обилия ножевых ранений. Но все они поверхностны и не смертельны сами по себе. Скорее всего, он вонзает кончик ножа, чтобы пустить кровь, пока насилует их. Они становятся глубже, когда он кончает, потому что это власть, которая ему нужна. Изнасилование обычно связано с властью.

— Практически всегда, — поправляю я. — Вопреки распространенному мнению, очень мало случаев насилия, которые имеют какое-либо отношение к сексуальным желаниям.

Она рассеянно кивает, но я замечаю сдержанность во взгляде.

— Он садист. Скорее всего, он не способен испытывать оргазм без причинения партнерше боли, на грани угрозы для жизни. Импотенция была, вероятно, причиной его психологического расстройства. Возможно, он наткнулся на это чувство эйфории случайно, а теперь уже не может остановиться. Он получает сильный кайф от власти и таким образом уходит от собственной боли.

Она вздыхает, ее руки дрожат. Ей действительно тяжело видеть это дерьмо. С моей стороны было глупо привлекать гражданское лицо, которое не подготовлено спокойно смотреть на мертвые тела и не видеть за ними людей и беспощадные, жуткие убийства.

Но Лана продолжила говорить, прежде чем я успел ее остановить.

— Он невидимка для мира. Вероятно, трудяга, который ничем особенным не примечателен. Думаю, что этот человек необщителен, учитывая его импотенцию. Из-за своей проблемы, убийца стал замкнутым. Он чувствовал себя лишенным чего-то важного, кастрированным. Теперь же он наслаждается тьмой, силой и вседозволенностью, оставаясь незамеченным.

Черт, а она хороша.

Она переворачивает следующую страницу.

— Изначально было много ярости — опять же, это связано с отсутствием мужской силы. Теперь контролируемый период его психоза. Он укрепился в мысли и чувстве, будто является неприкасаемым. Я бы сказала, что он белый мужчина в возрасте от двадцати пяти до сорока лет. Правша, и у него есть способность сливаться с обстановкой. Возможно, он работает в клиниговой компании.

Я хмурюсь.

— Ты права до момента определения сферы деятельности. Мы думали на кого-то из правоохранительных органов или органов безопасности. Убийце удалось получить доступ в

дома, и камеры каждый раз были отключены.

Она трясет головой.

— Он может знать о камерах, большинство клининговых работников имеют об этом представление. Они приходят в нерабочее время, хорошо знакомы с охранниками ночной смены.

Я прищуриваюсь и изучаю ее черты. Когда она поднимает глаза, мы встречаемся взглядами.

— Почему ты так уверена, что права?

Она ухмыляется, прежде чем открыть страницу передо мной.

— То, как он прибирался за собой. Он идеально отмыл помещение за собой.

— Затрудняет расследование, — парирую я. — Большинство убийц зачищают место преступления.

Она кивает.

— Ты не услышал меня: он не просто прибирается. Комнаты безупречно чисты. Каждая поверхность вымыта при помощи подходящего именно для нее чистящего средства.

Она указывает на строки.

— Окно отмыто средством для окон. Даже полос не осталось, хотя тут написано, что остальные окна были грязными, — она указывает на другую строку. — Полы были очищены при помощи средства для паркета. Никаких пятен, — пальчик опускается на следующую строку. — Все столы были отполированы полиролью, безопасной для дерева. Никаких разводов...

Она выстраивает в моей голове факты, которые я уже должен был заметить, и продолжает:

— Мой отец был... эм... он дружил с уборщиком, когда я была подростком. Использовать эти чистящие средства становится привычкой, почти навязчивой идеей после стольких лет работы. Если бы я была на вашем месте, я бы посмотрела службы по клинингу в этом районе и проверила, кто обслуживает эти многоквартирные дома.

Я поддвигаю листы ближе к себе, мои глаза скользят по тексту.

— Мы опросили всех сотрудников и провели сверку данных, — говорю я рассеянно. — Был вариант, что такая тщательная уборка — случай ОКР (*прим.: обсессивно-компульсивное расстройство*). Но эту версию пришлось исключить, основываясь на том факте, что нанесено различное количество ножевых ранений, и убрана только комната, где произошло убийство.

— Многие клининговые службы платят персоналу наличными на руки, потому что так проще. Служащие придерживаются политики «меньше знаешь — крепче спишь», потому что боятся потерять работу. На счетах компании оседает большая часть денег. Рабочие же получают копейки. Таким образом, наличные, не облагаемые налогами, дают возможность нанять большее количество работников, а также официально не регистрировать служащих. Вероятно, уборочный персонал вообще не упоминался.

— Ты чертов гений, — стону я.

Я фиксирую ее лицо между своих ладоней и грубо целую, одновременно желая придушить ее.

— Но теперь мне нужно сделать звонок, — ворчу я, чувствуя ее улыбку напротив своих губ.

— Сделай это. Поймай своего плохого парня. Зацепки железобетонные и, надеюсь, у вас

получится поймать его до того, как он снова убьет.

Я неохотно достаю телефон и набираю номер Хэдли. Лана, черт возьми, убьет меня.

Глава 12

Мы должны сделать все возможное.

Это наша священная человеческая ответственность.

А. Эйнштейн

Лана

Двулично с моей стороны надеяться, что Логан поймает психа, который изнасиловал и убил всех этих женщин. Это лицемерие: ведь я надеюсь, что он никогда не поймает меня за то, что я пытаю и убиваю мужчин.

Но мне приятно слышать, как Логан оживленно кому-то рассказывает про новую зацепку. Я очень удивлена, когда он говорит Хэдли, что именно я нашла то, что целая группа оперативников пропустила. Зря Логан рассказывает коллегам, что позволил своей девушке копаться в незакрытом деле.

Готова признаться, что тот факт, что он назвал меня своей, вызывает бабочек в животе. Это определенно что-то значит. И сквозящая гордость за меня, также заставляет меня чувствовать себя... хорошо. Снова это слово.

Логан продолжает разговор, когда мой телефон тоже начинает звонить, и я выхожу на улицу, чтобы ответить. Это Джейк. Мой взгляд останавливается на окне, фиксируя Логана.

— Привет. Есть успехи?

— Более чем. Мне не нравится, что мы так торопимся, но я помогу тебе.

Мои брови взлетают в удивлении.

— Типа лично? Ты собираешь пойти со мной?

— Только на этот раз, и только для обеспечения безопасности.

— Нет. Ты не сможешь. Тебя вырвало, когда я попыталась рассказать тебе подробности, Джейк.

— Ты понятия не имеешь, как сильно я желаю иметь твою способность убивать без капли сомнения, — яростно, но тихо говорит он.

— Но ты не можешь, — напоминаю ему. Я все еще не свожу глаз с Логана, чтобы быть уверенной, что он не слышит наш разговор.

— Не имеет значения. Я не могу так рисковать. Ты не провернешь такое в одиночку.

— Мы можем обсудить это позже? — говорю я почти шепотом, когда вижу, как Логан вешает трубку и пробегает рукой по волосам.

— Черт. Ты с ним? Нам все еще нужно это обсудить.

— Я перенесла пыточную в то место, которое ты построил мне много лет назад.

— Думаешь, этого достаточно, чтобы удержать твоего профайлера от истории с поиском маньяка, который убивает людей по списку? — спрашивает он сухо.

Я делаю тяжелый вздох, продолжая наблюдать за мужчиной через окно. Он оглядывается и тянется за стаканом.

— Ты знаешь, как легко мне делать то, что я делаю?

— Из-за того, что они сделали с вами двумя, — говорит он, его голос едва превышает сломленный шепот.

— Нет, Джейк. Потому что во мне не было ничего, кроме ненависти. Она двигала мной с тех пор, как у меня появились силы что-то изменить. Я больше не лежу, свернувшись в углу, боясь, что они снова найдут меня. Никогда не думала, что в моей жизни появится что-то важное, кроме мести. Думала, что когда все это закончится... я не планировала будущее после того, как я убью их всех. Теперь... теперь у меня есть надежда. Я никогда не осознавала силу этого чувства, пока Логан внезапно не появился в моей жизни. Будто вселенная вручила мне подарок в неподходящее время.

Он резко выдыхает, и я немного откидываюсь назад.

— Я рад слышать, что ты на душевном подъеме, Лана. Правда. На самом деле. Просто... просто не могла бы ты найти его с кем-то, кто не сможет засадить твою задницу за решетку?

Его реплика заканчивается на шутливой ноте, но серьезность ситуации неизменна.

— Мы пересечем этот мост, когда придет время. Поверь мне, я буду осторожна.

— Если когда-нибудь что-нибудь пойдет не так... Если он начнет задавать тебе вопросы... Просто молчи. Ты почувствуешь, когда запахнет жареным. Обещай мне, что, черт возьми, уберешься оттуда, если это случится.

— Обещаю, — говорю я ему, ухмыляясь.

— Ты заставишь меня облысеть от беспокойства, — стонет он, я же разворачиваюсь и направляюсь обратно в дом.

— Позвоню тебе позже.

Вешая трубку и входя в здание, я замечаю, что Логан в одних боксерах усердно работает над приготовлением какого-то напитка в блендере. Прислонившись к островку, решаю насладиться видом.

Мужчина поворачивается, ловит меня за подглядыванием и начинает играть бровями.

— Тебе нужно уходить? — спрашиваю я его, отчаянно пытаюсь убрать эмоции из голоса.

— Не сегодня. Возможно, завтра, но не сегодня.

Я улыбаюсь, маскируя определенный уровень разочарования. Мне нужны, по крайней мере, два дня. Но я возьму то, что могу получить. Это и так больше, чем я рассчитывала.

— Ты невероятная, знаешь это? — спрашивает он, подходя ближе.

Я забываю про блендер, когда он подходит ко мне вплотную. Откидывая голову назад, я предоставляю ему доступ к губам, и он целует меня долго, сильно и глубоко, и... Не хватает слов, чтобы объяснить: он словно каждым поцелуем прикасается к моей душе.

В голове проскакивает мысль, что такие поцелуи могут рассеять тьму, возможно даже добавить немного света.

Он обнимает меня, прижимая к себе еще ближе, и чуть приподнимает, заставляя плавать.

Парень слишком высокий, я же совсем маленькая.

Я усмехаюсь напротив его губ, когда чуть сгибаю ноги и обхватываю его ими за талию. Единственная причина, по которой я прерываю поцелуй — растягивание удовольствия.

— Так значит, мы достигли уровня, на котором ты просто разгуливаешь в одних боксерах передо мной?

Логан подмигивает, подталкивает меня, и я скольжу по столешнице. Хмурясь, я опускаю ноги, давая возможность ему отойти. Он делает пол-оборота, чтобы прислониться ко мне спиной. В этот момент я замечаю несколько шрамов, которые я не заметила в последний раз, когда видела его обнаженным.

— Что это? — спрашиваю я, прежде чем успеваю подумать.

Мои пальцы сразу же дотрагиваются до одного полукруглого шрама возле его плеча, и я морщусь. Я ненавижу, когда люди трогают мои шрамы, но не могу себя остановить.

Мужчина не отодвигается, и мой палец скользит по изуродованной поверхности.

— Это сделала пуля два года назад. Этот чертов жилет не покрывает все тело. На полдюйма выше, и у меня был бы просто синяк. Новичок проверил место и не нашел парня с пистолетом, прячущегося в шкафу. Выстрел был через дверь, и я был одним из тех, в кого он угодил.

Другой шрам, неровный и длинный, тянется от другого плеча к позвоночнику. Когда я провожу пальцами по нему, Логан касается меня в ответ. Я хотела бы позволить ему прикоснуться к моим шрамам. Может быть, он смог бы убрать болезненные воспоминания, которыми пронизана рубцовая ткань.

— Этот от ножа, — ответ заставляет меня сглотнуть ком в горле. — Я производил арест, а у подозреваемого был сообщник, который подкрался со спины. Он застал меня врасплох.

— Они всегда нападают исподтишка, — тихо говорю я, чувствуя приступ гордости. — Потому что ты слишком силен для них.

Он смеется, оборачиваясь. У меня перехватывает дыхание, когда он хватается за бедра и подталкивает к себе, вставая между моих ног, чтобы все наши лучшие части соприкоснулись.

— Мне нравится ход твоих мыслей, — говорит он, усмехаясь, пока играет с краем моих шорт.

Я провожу руками по мышцам на его руках. Он специально нагибается, и я игриво улыбаюсь и вглядываюсь в его глаза.

— Ты сильный. Тебя боятся. Люди не видят в тебе слабостей, поэтому бьют, когда ты наиболее уязвим.

— Парень, который стрелял из шкафа, делал это вслепую, — замечает он.

— Так ты не большой и сильный? — заливаясь смехом, спрашиваю я. Он поднимает меня и начинает двигаться в сторону спальни.

— Достаточно силен, чтобы справиться с тобой, — шутит он и шлепает меня по заднице.

— Могу поспорить, что я смогу положить тебя на лопатки, — спорю я, задаваясь вопросом, получится ли у меня в действительности или нет.

— Позже я покажу тебе свои боевые навыки, — говорит он, прежде чем снова поцеловать меня и быстрее направиться к комнате.

Я решаю, что не хочу знать. Мне все равно смогу ли я победить в этой схватке. Я просто хочу притвориться, будто я нормальная девушка с нормальным парнем в нормальных отношениях на одну нормальную ночь.

Уже всходит солнце, но никто из нас еще не ложился спать. Я так насмеялась, что болят бока. Мы перекусили пару раз, много занимались сексом и смеялись больше, чем когда-либо за всю мою жизнь. Сон не был в списке наших приоритетов.

Думаю, мы оба боялись закрыть глаза и потерять ощущение идеальности настоящего момента.

Развалившись на диване, я слушаю рассказ Логана о его очень счастливом детстве,

которое не было омрачено темными воспоминаниями.

Мои глаза пробегают по комнате, представляя эту семью, о которой он говорит только в прошедшем времени.

— Так что случилось? Или это не мое дело? — спрашиваю я, поднимая голову, чтобы посмотреть на него.

Его улыбка медленно угасает, и я ненавижу себя за то, что спросила.

— Забей. Я не должна была...

— Все в порядке, Лана. Хватит извиняться за то, что пытаешься узнать меня, — говорит он, снова улыбаясь. Он убирает волосы с моего лица и кладет руку мне на плечо. — Мне нравится, что ты хочешь знать больше обо мне, чем о моих предпочтениях в отношении презервативов.

Я фыркаю. На самом деле фыркаю. Убейте меня прямо сейчас.

Это заставляет меня засмеяться снова.

Тряся головой, я пожимаю плечами.

— Я не могу рассказать тебе многое о своем прошлом. Поэтому я не имею права спрашивать тебя, — говорю я с грустным вздохом, продолжая портить нам настроение.

Логан становится серьезным, гладит меня ладонью по спине, а я в ответ кладу голову ему на грудь.

— Ты расскажешь мне то, что считаешь нужным, когда будешь готова, — наконец говорит он, целуя меня в макушку. — Я понимаю, что не у всех прошлое легкое и приятное, как у меня. Что касается моих родителей... Моя мама была немного не в себе и в свои тридцать развелась с хорошим мужчиной, чтобы удариться в поиски богатства и дикого секса. До этого все было хорошо. Я никогда не знал своего настоящего отца, кроме того, что он служил в армии. Он прислал мне несколько писем с фотографиями, будто я хотел увидеть его лицо. По моему мнению, мой отчим всегда был моим настоящим отцом. Он вошел в мою жизнь, когда мне было два года, и растил меня, как родного.

Я пробегаю пальцами по его груди.

— Бывшие, о которых мне стоит переживать?

Он делает глубокий вздох, прежде чем засмеяться.

— Нет. Совсем. Все отношения закончились очень плохо. Я ужасен в отношениях, так как женат на своей работе.

Он стонет, проводя рукой по моим волосам, и я поднимаю голову, глядя ему в глаза.

— Не дай мне испортить все это, потому что, кажется, ты мне нравишься, — говорит он, ухмыляясь.

Блин. Все, что я делаю, это улыбаюсь, как идиотка, что бы он ни говорил.

— Кажется, ты мне тоже нравишься.

Он проводит пальцем по моей нижней губе, и полностью перетягивает меня на себя. Несмотря на то, что у Логана жесткое и подтянутое тело, на нем удивительно удобно лежать.

— Что на счет тебя? Есть бывшие, о которых мне стоит беспокоиться? — спрашивает он, изучая мое лицо.

Логан внимательно смотрит на меня, но, к счастью, я тренировалась. Но на этот вопрос я могу ответить честно.

— У меня были только одни серьезные отношения, и я бы предпочла сжечь его, чем снова когда-нибудь с ним заговорить. Кроме этого, ничего серьезного, и это было более десяти лет назад. Остальные были... экспериментами.

Ладно, мне нужно закрыть свой рот, потому что говорю слишком много.

— Экспериментами? — задает он вопрос. И это напоминает мне, что я должна знать, когда нужно остановиться.

— Неверное слово. Эм... Безднадежные и бессмысленные попытки получить то, чего никогда не будет.

Хорошее прикрытие, Лана.

— У нас есть искра, — благоговейно говорит он, не переставая касаться рукой моей голой спины.

Улыбаясь, я киваю.

— Между нами определенно есть.

Он подтягивает меня ближе, пробегает губами вдоль моих. Как только я решаю углубить поцелуй, раздается звонок телефона.

Сыпя проклятиями, он подбирает аппарат с пола. Он валялся, где попало на протяжении всей ночи.

— Беннетт.

Телефон настолько громкий, что я слышу женский голос на другом конце.

— Привет! У нас есть список людей, с которым нужно поработать, так что твоя пара дней закончились. Все многоквартирные дома обслуживает одна клининговая компания. Пока мы изучали их, они отклоняли все запросы. Я позвонила им и попросила список всех сотрудников, и напомнила, что отказ может быть расценен как препятствие федеральному расследованию. Особенно, если они не включают в перечень сотрудников, кому платят в конвертах. Список чудесным образом стал намного длиннее. У двух имен есть судимости, из-за которых эти парни подходят нам.

Так я могла быть права?

— Мы встретимся через два часа и отправимся в Бостон. Захвати все имена из списка, и мы просмотрим их во время полета.

И это все время, что у нас есть.

По его взгляду я вижу, что он тоже расстроен.

Он прикрывает микрофон телефона, когда девушка распаляется на тему, что он слишком хорош в своей работе.

— Когда я поймаю его, у нас будет гораздо больше времени друг для друга, — говорит он, хмурясь, пока изучает мое лицо.

Вероятно, я выгляжу немного разочарованной, поэтому надеваю маску и прижимаюсь к нему, целуя в челюсть.

— Иди, это твоя работа.

Девушка на другом конце линии затихает.

Логан ласково целует меня в лоб, и я впитываю его запах в последний раз, прежде чем мы снова расстанемся. В прошлый раз это была недолгая поездка. Может быть, мне повезет, и все снова будет быстро и гладко.

— Ты со своей девушкой-профайлером, которая помогла нам с зацепкой? — спрашивает девушка на другом конце провода.

Я очень надеюсь, что она тайно не влюблена в Логана. Потому как тон, который я улавливаю, сложно трактовать иначе.

— Да. Увидимся через пару часов. Не забудь, что это между нами.

— Ты же знаешь, босс. Просто надеюсь, что пока нет новых мертвых женщин, это

поможет нам поймать этого ублюдка.

Я с облегчением выдыхаю, потому, как тон ее голоса изменился. Видимо, я очень подозрительна.

Логан вешает трубку и снова обнимает меня так, как мне особенно нравится.

— Как только я вернусь, клянусь сводить тебя на это чертово свидание, которое я давно тебе обещаю. Ты лучше, чем потрясный секс и еда, которую я сжег.

Он полностью спалил пиццу, но ему было приятно попытаться приготовить что-то для нас. Возможно, мы смогли бы спасти ее, если бы не забыли, что оставили противень в духовке, когда оказались в спальне.

— Я не против подгоревшей еды, если ты рядом. Предпочитаю интимность совместного приготовления пищи выходу на публику.

Он смеется, но я не шучу.

Я жадная. Я хочу его всего только для себя.

Логан начинает торопливо собираться, но я целую его гораздо дольше необходимого, прежде чем отпускаю.

Поскольку мой мужчина занят, у меня есть отличная возможность вернуться к работе и пропустить второй день отдыха.

Я забираюсь в машину и сразу звоню Джейку.

— Ты все еще с ним?

— Я собираюсь поймать Лоуренса. Ты можешь заняться Тайлером.

Когда я вешаю трубку, Джейк все еще сыплет проклятиями. Ухмыляясь, я отправляюсь в долгий путь до Нью-Йорка. Это чужой для меня город. К черту. Я сильнее их всех.

Глава 13

*Мы не можем терять веру в человечество,
так как сами являемся людьми.*

А. Эйнштейн

Лана

Нью-Йорк не рад моему приезду. Уже стемнело, когда я, наконец, готова к нападению. Я сливаюсь с городом: безразмерная толстовка, на голове капюшон, и я подпираю стену в переулке.

Большое яблоко опасно своими темными подворотнями. Пришлось протереть лицом какого-то гопника кирпичную стену и оставить его отдыхать, для того, чтобы остальные головорезы держались на расстоянии. Сейчас я просто жду.

— Привет, сладкая, — усмехается гнилыми зубами очередной отморозок, направляя на меня нож.

Я молчу.

Полагаю, он пропустил мои предыдущие демонстрации. Зря.

Он делает шаг ближе, и я сладко улыбаюсь ему. Бедолага на долю секунды смущается, и мне этого достаточно. Я выкидываю руку и четко попадаю ему в горло. Из него вырывается мучительный хрип, и он делает взмах ножом.

В воздухе я ловлю его запястье, ныряю под руку, разворачиваюсь и с удовольствием слушаю, как крик пронзительно звучит в ночи. Нож падает на землю. Завершающим ударом

я попадаю ногой в позвоночник, все еще сжимая его руку за спиной. Моя хватка так сильна, что я чувствую, как в руке хрустит кость.

Меня передергивает от удовольствия, когда я слушаю его крики и просьбы о пощаде. Это не так приятно, как слышать вопли людей из моего списка, но я считаю важным наказывать такой сброд. Тех, кто охотится на слабых.

Рывком нож вонзается ему в спину, разрывая кожу, и его крики становятся громче. Люди пробегают мимо нас, делая вид, что ничего не происходит. Типичная городская отзывчивость.

Когда он начинает булькать кровью, я отпускаю нож из руки и позволяю телу с глухим звуком упасть на землю. Прямо рядом с мусорным баком. Наверняка, с улицы будут видны его ноги. Город слишком громкий, чтобы люди услышали, как падает тело.

Но даже если бы кто-то услышал, ничего бы не изменилось. Они продолжили бы свое движение. Они говорят себе, что тоже умрут. Говорят, что их жизнь дороже, чем жизнь человека, умирающего у их ног.

Но все проще. Им просто плевать.

Зловещая улыбка изгибает мои губы, когда отморозок смотрит на меня с ужасом и удивлением.

Он пришел в эту аллею, как хищник.

А умрет, как добыча.

Снимая толстовку через голову, я стараюсь не сдвинуть светлый парик. Я потратила много времени, пристраивая его на своей голове. Она летит в мусорный контейнер, следом туда же падают спортивные штаны. Стоя в подворотне, я расправляю платье, спускающееся до пят, которое скрывалось под мешковатой одеждой.

Пришло время сделать то, зачем я сюда приехала, и перестать возиться с мразью подворотен Нью-Йорка. Монстры здесь не могут сравниться с тем монстром, которым являюсь я.

За мной наблюдают несколько пар глаз, но меня это не волнует, когда я прохожу мимо них.

Никто не будет говорить о светловолосой проститутке, которая без особых усилий убила человека. Они сделают вид, что ничего подобного не видели.

Группы отморозков разбегаются от меня, чуть не падая. Пистолеты, заправленные за пояса большинства из них, не успокаивают. Они только что видели, как я выпотрошила парня его же ножом.

Констатация факта: большинство людей больше боятся ножа, чем пистолета. Это психологический трюк, и в данный момент, он работает на меня.

Я поворачиваю за угол и выхожу из длинного переулочка на оживленный тротуар. Никто даже и глазом не ведет, когда я кидаю окровавленные перчатки в сумочку.

Темнота мой друг.

Я ухмыляюсь, когда вижу, как Лоуренс выходит из здания. Быстро пересекая улицу, я замедляю шаг, позволяя ему идти позади меня.

Лоуренс предсказуем.

И он извращенец.

Чувство тошноты и привкус желчи появляются в моем горле, когда все происходит, как я и ожидала. На моей заднице появляется теплая рука, и я поворачиваю голову, делая удивленный вид.

— Ты, — говорит он с мерзкой усмешкой. — Так и думал, что это была ты. Никаких свиданий вслепую сегодня вечером?

Он улыбается, словно его шутка смешная.

Я хлопаю ресницами и начинаю дергать его за галстук, хотя уже чувствую рвотные позывы.

— Я сегодня совершенно свободна. Ты пытаешься склеить меня, красавчик? — спрашиваю я с тем фальшивым южным акцентом, который использовала последний раз в ресторане.

— Думаю, ты хочешь, чтобы я склеил тебя. Нью-Йорк слишком велик, чтобы дважды случайно столкнуться друг с другом, — самодовольно говорит он, ухмыляясь мне.

— Возможно, это просто судьба.

Его ухмылка превращается в зловещий оскал.

— У тебя или у меня?

— Ну, это было бы слишком просто.

Я выгибаю бровь, ведя его за галстук и направляя к парковке.

— Куда мы идем?

— Моя машина за углом, — сладко говорю я.

Парковка не оборудована камерами наблюдения. Но об этом пикантном моменте я решаю умолчать.

— Ты из тех девушек, которые заставляют парня делать что-то опасное, например, садиться в машину к незнакомке? — спрашивает он, но в его голосе я слышу насмешку. Он считает меня слишком слабой, чтобы представлять опасность для него.

— Ты можешь уйти.

Я отпускаю его галстук, направляясь в сторону парковки, и он ускоряет свой шаг, следуя за мной.

— Мне нечего бояться. Уверен, я смогу тебя уложить.

Я сдерживаю насмешливое фырканье.

— Малыш, я обещаю тебе, что ты не выживешь с такой девушкой, как я.

Глава 14

Я не верю в бессмертие личности;

я считаю этику исключительно человеческим делом

без всякой сверхчеловеческой власти за ней.

А. Эйнштейн

Лана

«Тише, малышка, не говори ни слова. Мама купит тебе сойку-пересмешницу. И если эта птица не запоет, мама купит тебе бриллиантовое кольцо» (прим.: текст из колыбельной «Hush, Little Baby»).

Песня едва слышна в подвале. Я отхожу в сторону, когда Лоуренс начинает медленно выходить из бессознательного состояния, и, с восторгом наблюдаю в тени, как множество эмоций сменяются на его лице.

Замешательство. Удивление. Понимание. И мое любимое — паника.

Он борется с цепями, которые широко разводят его руки и фиксируют его в воздухе. Это

прекрасное положение, чтобы умереть. Кроме того, человек в такой позе чувствует себя слабым и незащищенным, ведь он растянут и неподвижен.

Уж я то знаю.

Песня сменяется, и «Ring Around the Rosy» начинает звучать тем жутким детским голосом. Я люблю трахать им мозг.

— Кто ты, черт возьми? — кричит он изо всех сил, пока я остаюсь в темноте.

Свет над его головой помещает его в круг света, освещая подвешенное тело и цепи, свободно свисающие перед ним. А я жду прибытия второго действующего лица.

Как только мы подошли к моей машине, я дважды ударила его головой в боковую дверь. Убедившись, что он отрубился, я засунула его тяжелую задницу в багажник. У него плотное тело и крепкие мускулы, и я не ожидала, что он будет таким тяжелым.

Но усилия того стоили.

Синяки красиво группируются возле его глаз и лба. Я уверена, что шок вывел его из бессознательного состояния быстрее, чем обычные удары по щекам.

— Где ты? Где, бл*ть, я нахожусь? — рывкает он, тщетно сопротивляясь и заставляя цепи греметь.

Он дергает головой из стороны в сторону, пытаюсь увидеть хоть что-то во тьме. Но все, что он может увидеть вокруг — четыре каменные стены огромного подвала. Это жутко.

Я должна была придумать более страшные места казни давно, потому что мне нравится, как их тела застывают в ужасе.

Сейчас я одета во все черное. Красной помады нет, как и парика, который был на мне. Каблуки я заменила на мужские ботинки с особым мыском, которые специально для меня разработал Джейк. Эти ботинки оставляют после себя следы большого размера от пятки до пальцев.

Я сегодня без рюкзака. Он не нужен для этой части, так как мои следы не видны на каменном полу. Тем более что пол под моими ногами скоро будет окрашен в два оттенка красного, когда я разрисую все четыре стены их кровью.

— Бл*ть! Кто-нибудь ответьте мне! На помощь! — ревет он. Но его встречает лишь тишина.

Старый дом Тайлера находится в глуши. Это идеальное место для убийства. Мне было бы трудно воплотить мои планы в квартире Лоуренса, так как он делит ее с соседом.

Жена Тайлера уехала из города после ссоры с мужем. Я анонимно помогла ей наткнуться на текстовые сообщения Дениз. Тайлер предполагает, что Дениз из ревности сдала его жене. Его жена думает, что он склизкий мудака — ее слова — и она в ярости.

В настоящее время я отслеживаю ее по телефону-клону Тайлера.

Лоуренс продолжает кричать. Но в подвале тихонько играет «The Wheels on the Bus», заглушая его завывания.

Спустя несколько часов его голос охрип. Он злится на себя, когда, наконец, опорожняет свой мочевого пузырь. Это первый шаг унижения. Это первый шаг к лишению достоинства. Они всегда мочатся и гадят под себя.

Улыбка изгибает мои губы.

Ублюдох сыплет проклятиями, когда первая слеза стекает из его глаз. Он скован и растянут, не в силах вытереть ее. Я хочу все его слезы. Хочу все его страдания и ужас.

Я хочу, чтобы он пал до такой степени, что у него не осталось бы ничего, кроме позора

и унижения. И тогда настанет время для его криков.

Спустя еще час он окончательно ломается. Яростно всхлипывая, он снова теряет контроль над мочевым пузырем и писает в штаны. Его джинсы темнеют, и запах расплзается по всему подвалу. Это запах мести.

Он без рубашки, и я вижу мурашки на его коже. Чем сильнее он замерзнет, тем больше потом при получении ударов.

— Сучка плачет, — говорит Морган, посмеиваясь себе под нос. Одинокая слеза катится по моей щеке.

Меня удерживают за руки, и я не способна стереть ее, поэтому пытаюсь закрыть свой разум и заблокировать всю боль.

— Эти слезы тебя не спасут, шлюха, — говорит Лоуренс прямо мне на ухо. — Умоляй меня остановиться.

— Пожалуйста... пожалуйста, прекрати, — я слышу, как плачет мой брат.

— Один умоляет, — объявляет Тайлер, смеясь как гиена.

Внезапно, у меня получается освободиться от хватки Тайлера. Я кричу и бью кулаком по лицу Лоуренса.

— Чертова сука!

Он продолжает сидеть верхом на мне, лоя и прижимая мои руки к земле.

— Придержи эту чертову суку, или я позволю ей вырвать тебе глаза, когда придет твоя очередь!

Тайлер выплевывает проклятия. Я плачу, когда мои руки впечатываются в жесткую поверхность тротуара, и чувствую, как начинает идти кровь. Я сосредоточена на этом, а не на том, что Лоуренс делает с остальной частью моего тела.

— Эти слезы не спасут тебя, шлюха, — произношу я, заставляя Лоуренса повернуть голову на звук моего голоса. Он вглядывается в темноту, пытаюсь отыскать меня.

— Кто ты, бл*ть?

Я медленно делаю три шага, позволяя лампе осветить меня. Брови Лоуренса изгибаются в замешательстве. Его лицо завлакивает ярость, но цепи крепко его удерживают.

— Что, черт тебя дерит, ты хочешь от меня, сука?

— Умоляй меня остановиться.

Он начинает говорить, но дверь над нами открывается. Вниз по лестнице скатывается Тайлер, завывая от боли. За ним медленно, фиксируя каждый шаг, спускается Джейк. Он двигается грациозно, наслаждаясь каждой минутой. Парень понимает, что возмездие, наконец, нашло этих ублюдков.

Тайлер выглядит сильно избитым. Я забыла упомянуть, что Джейк посещал все те же занятия, что и я? У нас за плечами длинный список боевых искусств, как и количество черных поясов.

Мы брали уроки в разных городах под другими именами, но сейчас это не имеет значения.

— Ты! — орет Лоуренс, пялясь на Джейка.

Джейк указывает на свои ноги.

— Они отлично работают, между прочим.

Сейчас Тайлер представляет собой клубок переломанных конечностей, грудой валяющейся на каменном полу.

— Ты что-нибудь оставил для меня? — спрашиваю я Джейка. Он хватает Тайлера за

запястье и тащит его к цепям.

— Ты, бл*ть, кто? — снова требует Лоуренс, словно контролирует ситуацию.

— Там хватит. Тебе будет с кого получить долг.

Пока Лоуренс продолжает материть нас, я помогаю Джейку зафиксировать Тайлера. Мы расположили его, как и Лоуренса, подвесив на цепи, прямо напротив друг друга.

— Хочешь знать, кто я? — спрашиваю я Лоуренса. Тайлер трясется от страха, выпучив глаза.

Слезы ручьями стекают из его глаз, и я быстро оцениваю состояние его тела.

Его нога определенно сломана. Джейк выместил свой гнев. Это хорошо. Он нуждался в этом.

— Ты сумасшедшая сука! — орет Лоуренс.

Я ухмыляюсь, поворачиваясь к нему лицом.

— Нет. Я разозленная сумасшедшая сука. Ты знал меня, когда я была моложе. А также ты знал моего брата.

— Эти слезы тебя не спасут, шлюха, — повторяю я. И вот оно! Я вижу проблеск понимания в его глазах. — Умоляй меня.

Он становится белым, как призрак. Я снова поворачиваюсь к Тайлеру, который пытается собрать все воедино.

— *Веди себя хорошо, Виктория. Будет не так больно, если ты просто будешь вести себя хорошо.*

Не плачь, Виктория. Не позволяй им увидеть, что они сломали тебя.

Но они действительно сломали. Я сломлена звуками криков брата, пока он умолял, умолял и умолял... а они просто смеялись.

Словно эти звуки были музыкой для их ушей.

Я отрежу их чертовы уши.

— Веди себя хорошо, Тайлер. Будет не так больно, если ты просто будешь вести себя хорошо.

Я смеюсь, наблюдая, как та же волна понимания догоняет и его.

Его глаза расширяются до такой степени, что кажется, сейчас выпадут из глазниц. Джейк усмехается, вбирая все это в себя. Ему всегда приходится пропускать эту часть. Наши партнерские отношения могут выйти на новый уровень, если он сможет переварить то, что сейчас здесь произойдет. Я бы хотела, чтобы он был частью этого. Это и его месть. Мы оба любили Маркуса.

И эти твари отняли его у нас.

Я останавливаюсь перед Лоуренсом, и Джейк протягивает мне мой любимый нож. Он немного затуплен. Грубоват. И причиняет чертовски сильную боль.

— Ты мертва, — хрипит мудила, глядя на меня с неверием. — Ты должна быть мертва.

Я поднимаю взгляд. Перемещая лезвие по его бедру, я чувствую его дрожь.

— Ты должен был убить меня, дорогой, — произношу я. Одновременно, лезвие вонзается в податливую плоть.

Он кричит от боли, но я не тороплюсь.

— Мне понадобится острый для его ушей, — говорю я Джейку, когда Тайлера выворачивает наизнанку.

Я позволю им наблюдать за смертью друг друга.

— Надеюсь, ребята, что вы еще не устали. Я передумала насчет дней. Это будет длинная

неделя.

Глава 15

*Вы не можете одновременно предотвратить
и подготовиться к войне.*

А. Эйнштейн

Логан

Я смотрю на свой телефон, читая последнее сообщение от Ланы.

Лана: Я позвоню тебе вечером, если ты будешь свободен. Прости, что пропустила твой звонок. Это были сумасшедшие дни.

— О, смайлики-сердечки! Кошмары становятся явью, — говорит Крейг за моим плечом, за что сразу получает локтем в живот.

Пока он пытается восстановить дыхание и кашляет, я отправляю ей сообщение.

Я: Если сегодня не будет изменений по моему делу, вечером я свободен. Мы знаем, кто убийца, и крутим его лицо по всем каналам. Ты оказалась права. Это определенно один из неофициально оформленных клинеров. Ему удалось сбежать, но мы подняли на уши весь город.

Лана: Будь осторожен. Его конек — неприметность. Думаю, что он получает удовольствие и жаждет вашего повышенного внимания. Он пойдет на крайние меры, если шум утихнет слишком рано. Убийство агента ФБР, который расследует его дело, отличная цель.

Я никогда не хотел встречаться с коллегой, просто потому что работа и секс плохо сочетаются. Например, Лиза — заноза в моей заднице с тех пор, как мы расстались много лет назад. А теперь она моя подчиненная.

Это неловко. Это раздражает. Она использует наше прошлое против меня при каждом удобном случае.

Лана, как бы то ни было, идеальная женщина. Она понимает меня и мою работу. Это буквально лучшее из обоих миров.

Она слишком хороша, чтобы быть реальной.

Я: Вероятность того, что он придет за мной очень мала. Но если он все же решится, это избавит меня от лишней траты времени на его поиски.

Лана: Я серьезно, Логан. Парни вроде него часто зацикливаются на своей цели.

Я: Он насильник. Серийный насильник. Ему нужны женщины для удовлетворения своих потребностей. А я не женщина. Поэтому шанс, что я стану целью, очень не велик.

Лана: Человек, который долго был невидимкой, а потом получил много внимания, всегда будет стремиться повторить эти ощущения. Особенно такой, как он. Сексуальные садисты получают удовольствие от власти. Получить власть над сильным мужчиной, намного привлекательнее, чем над обычной жертвой.

Я: Мне нравится, что ты так переживаешь.

Лана: А мне нравятся мои оргазмы. Хочу больше.

Сообщение заставляет меня засмеяться, и я прячу свой телефон в карман, когда

подходит Крейг, вводя меня в курс последних событий.

Это должно было быть легким задержанием, но кто-то предупредил его. Или у него есть доступ к полицейской волне. Или парень читает наши мысли.

Теперь найти его будет в разы труднее. Ему платили наличными, а значит у него нет открытых счетов в банках. За аренду квартиры он платил тоже наличными. Он нигде не засветился и у нас нет ни электронных, ни фактических следов. Даже оплата коммуналки включена в арендную плату за квартиру.

Он оставил свой телефон.

Взял только одежду.

Если мы не поймаем его сейчас, он пустится в бега, и могут пройти месяцы, прежде чем он где-то объявится.

Спустя четыре дня по-прежнему ничего нет. Я передаю всю информацию своей команде и решаю вернуться домой. Джеральд Племмонс. Имя Бугимена. То, что мы знаем его в лицо немного успокаивает, но он все еще на свободе.

Однажды он снова убьет. К сожалению, пока он этого не сделает, мы не сможем его найти.

Едва сойдя с трапа самолета, я несусь к своему внедорожнику и чертовски быстро еду в дом Ланы. Она не ждет меня, и я не мог связаться с ней по телефону: меня все время перебрасывает на голосовую почту. Я надеюсь, что не разозлю ее, появившись на пороге без предупреждения.

Ощущение, что я вечность буду добираться до ее дома. Но когда я, наконец, доехал, я неторопливо стучу в дверь.

Звук поспешных шагов успокаивает меня. Я не вижу припаркованного мустанга, поэтому рад слышать ее голос за дверью. Но ее слова заставляют меня насторожиться.

— У тебя есть ключ! Используй его, Джейк! Прекрати заставлять меня ходить через весь дом...

Ее слова обрываются, когда она распахивает дверь.

В полотенце.

Все еще влажная.

— Логан! — говорит она, шокировано.

Я не даю ей времени на раздумья и страстно целую, ногой закрывая за собой дверь. Ее руки вплетаются в мои волосы, я же поднимаю ее, с восторгом чувствуя ее голую задницу в своих руках.

Полотенце падает и застревает между нашими телами, когда я продолжаю целовать ее и, одновременно, нести в комнату. Она так же яростно целует меня в ответ, давая понять, что не против того факта, что я появился так неожиданно.

Прошла неделя. Целая неделя с тех пор, как я ее видел.

Мои пальцы скользят по изгибу ее ягодиц, пока я не нахожу то, что действительно искал. Пробегаю пальцами по ее гладкой киске, чувствуя, какая она влажная и готовая для меня. Как бы я ни любил прелюдию, сегодня вечером мы ее пропустим. Может быть, после того, как я немного притуплю свой голод, мы сможем замедлить ход событий. Я хочу уделить ее телу внимание, которого оно заслуживает.

— Могу я сделать вывод, что ты скучал по мне? — спрашивает она напротив моих губ, оборачивая свои ноги вокруг моей талии, когда я, наконец, вваливаюсь в спальню.

— Очень сильно.

Я не даю ей времени на раздумья и, бросая на кровать, начинаю раздеваться. Она смотрит на меня, скользя своим обнаженным телом по кровати, в попытках выбраться из полотенца.

Лана закусывает нижнюю губу, наблюдая за мной. Едва мои брюки касаются пола, я хватаю ее за лодыжки, подталкивая ее к краю кровати. Легкий вскрик удивления срывается с ее губ, но я уже раскатываю презерватив, устраиваясь между ее ног.

В одно мгновение я вхожу в нее, чувствуя, как стенки киски сжимаются от внезапного вторжения. Девушка стонет и выгибает спину. Она выглядит, как ожившая фантазия.

Схватив ее за бедра, я задаю резкий ритм, трахая ее отчаянно, позволяя ее стонам и вздохам разжигать меня изнутри. Все ее тело напрягается, киска прижимается ко мне. Она раскрывает рот в немом крике и сжимает простыню под собой, кулаками скручивая мягкую ткань. Тепло распространяется по моему позвоночнику, и электрический ток накатывает, принося невыносимое удовольствие.

После великолепной разрядки, мой член расслабляется, а Лана улыбается мне, все еще восстанавливая дыхание.

— Привет, — говорит она, посмеиваясь.

Я тоже смеюсь, прежде чем обнимаю ее.

— Привет.

Перевернувшись, я бросаю презерватив в мусорную корзину рядом с кроватью, снова поворачиваюсь лицом к ней и провожу пальцем по ее щеке.

Слегка сместившись, она дает возможность нам двоим удобно разлечься на кровати.

— Кто такой Джейк? И почему у него твои ключи?

Ее улыбка расширяется, будто она наслаждается какой-то шуткой.

— Ревнуешь?

Я сужаю глаза, а она хихикает, перекидывая ногу через мое бедро и головой приживаясь к моему бицепсу.

— Он мой бизнес-партнер. Ушел пару минут назад, и я подумала, что он забыл что-то. Парень думает, что это смешно — заставлять меня бегать через весь дом вместо того, чтобы воспользоваться ключом. Он ведет себя так, будто я могу спутать его с грабителем и случайно зарезать или что-то в этом роде.

Мне не нравится, что у Джейка есть ключи от ее дома, особенно учитывая то, что я его не знаю.

— Какая у него фамилия? — спрашиваю я, готовясь сделать полную проверку данных этого парня — и посмотреть, как он выглядит.

Я на самом деле ревную.

Бл*ть.

— Он теневой партнер, и по нашему соглашению я не могу сообщить его данные. Извини, но это так. Наше последнее дело заняло на несколько дней больше, чем ожидалось, но нужно было все доделать. Кроме того, мы знаем друг друга вечность. Он мне как брат. Не беспокойся. Я могу заверить тебя, что ни о какой романтической подоплеке речь не идет.

— Он гей? — спрашиваю я с надеждой.

Она хихикает.

— Он бисексуал, но предпочитает лежать под мужчиной, чем быть на женщине.

— Лучше бы ему быть геем.

Когда она снова смеется, это получается так мило, беззаботно. Клянусь, с каждой новой встречей она кажется счастливее.

Я убираю руку с ее затылка, и хмурюсь, обнаруживая на ней кровь.

— Ты поранилась? — спрашиваю я, с беспокойством. Неужели, я был так груб?

— Эм... нет. Видимо это краска осталась на волосах после того, как я рисовала с Джейком. Наверное, когда мылась, я пропустила пару капель.

Я протираю красное вещество между пальцами. Это определенно кровь.

— Не ври мне, — я пытаюсь посмотреть, но она отклоняет голову и выпрыгивает из кровати.

— Ладно. Это кровь, — стонет она. — Кровь Джейка. Не моя. Он порезал палец, и полагаю, она попала на меня. Я думала, что отмыла ее всю в душе.

Она направляется в ванную, и я следую за ней. Она снова начинает мыть волосы.

Вода окрашивается в красный, но совсем немного, что означает, что она, на самом деле, не ранена.

— Почему ты просто не сказала сразу?

Она пожимает плечами, не поднимая на меня глаза.

— Ты взбесился из-за Джейка. Подумала, что дополнительное напоминание ни к чему.

Я делаю глубокой вдох, и наши глаза встречаются в зеркале.

— Прости. Я не хотел выглядеть ревнивым засранцем.

Она дарит мне легкую улыбку.

— Я не должна была врать тебе. Прости, — говорит она, вздыхая, пока смотрит в пол.

Я приподнимаю ее лицо вверх, наклоняюсь и целую.

— Похоже, мы оба еще притираемся друг к другу. Мы учимся быть рядом, — говорю я ей, улыбаясь, когда она стонет и прижимает голову к моей груди.

— Ты такой хороший, — говорит она тихо. — Боюсь, что я разрушу все хорошее в тебе.

— Невозможно. Ты тоже хорошая, Лана.

Она напрягается в моих руках, и я начинаю волноваться, когда ее хватка на моей талии усиливается. Я не понимаю, что произошло за последние пять минут, ее стало невозможно прочитать.

Вместо того, чтобы задавать ей вопросы, я просто обнимаю ее, пока она наконец не выдыхает у меня на груди.

— Я тоже скучала по тебе, — наконец, произносит она после долгого молчания.

— Тогда позволь мне сводить тебя на свидание.

Она выпрямляется, выгнув бровь.

— Лобстеры и вино?

Я киваю.

Она мило улыбается.

— А затем оргазмы.

Я смеюсь, когда она исчезает в ванной, а ее хорошее настроение возвращается. Она загадка, и я думаю, что это половина ее привлекательности.

Глава 16

жесточкой оппозицией посредственных умов.

А. Эйнштейн

Лана

Ужин? Идеален. Лобстер? Изумителен. Вино? Потрясающее. Логан? Слишком хорош для меня.

Я соврала ему. Затем я соврала снова, чтобы прикрыть ложь. Я не могла сказать ему, что в моих волосах была кровь людей из списка. Вина на его лице заставила меня возненавидеть себя.

Он извинился.

В тот момент я осознала, насколько все это неправильно.

Логан невероятен. Он — все, о чем я даже не надеялась мечтать, потому что таких хороших людей просто не бывает.

Но вот он.

Ну, не прямо в этот момент. В настоящий момент, он поехал домой взять немного одежды. Он берет несколько выходных, так как на работе дела зашли в тупик, что означает, что они еще не нашли мои последние тела. Или это может означать, что он не расследует это дело...

Вчера был чертовски громкий звонок. Приедь Логан на десять минут раньше, и он застал бы меня всю в крови. Я как раз занималась тем, что бросала всю свою одежду в огромный костер за моим домом. Мои полы из темной древесины и Логан не заметил на них капли крови. Я могла бы солгать и на счет этого, но я бы вряд ли выкрутилась бы по поводу своих ботинок или сумки, полной пыточных инструментов.

К счастью, все это уже находилось наверху.

Я никогда не позволю телефону разрядится снова. Он пытался дозвониться до меня несколько раз, но у меня была в самом разгаре игра с Лоуренсом и Тайлером и я не могла остановиться, чтобы поставить свой телефон на зарядку.

Нужно было зарядить его по дороге домой, но он был спрятан в моей пыточной сумке... которую я бросила в шкаф... и не могла найти телефон, пока меня, наконец, не осенило, куда я его дела.

Во время действительно ужасных вещей, Джейка все время рвало в ведро, которое он привез с собой. Он не рискнул плевать прямо в подвале и оставить после себя всю эту вкусную ДНК.

Его желудок просто не согласен быть монстром.

Я просматриваю очередное досье на мою следующую жертву, изучая записи с деталями его жизни, когда звонит мой телефон. Это Джейк. Я сразу беру трубку.

— Ты нашел его?

— Его зовут Джеральд Племмонс, по крайней мере, если верить новостям. Охота на этого человека будет короткой. И, кстати... Бугимен? Серьезно?

Я фыркаю от смеха.

— Я надеюсь, что для тебя они придумают что-нибудь поумнее.

Я вздрагиваю. Они обязательно наградят меня каким-нибудь именем. Тогда Логан будет называть меня только так, если когда-нибудь узнает правду.

Он будет ненавидеть женщину, о которой заботился, потому что увидит скрывающегося

в ней монстра.

— Так ты нашел его? Я уже знала его имя, — продолжаю я, отказываясь думать об этом сейчас.

— Он в Вашингтоне.

Мое сердце стучит в груди.

— Ты уверен?

— Парень оставил новое тело пару минут назад, — отвечает он. — По нему нет никаких электронных следов, как и бумажных. Тем не менее, он сделал громкое заявление о своем нынешнем местоположении. На этот раз, вместо того, чтобы оставить жертву в квартире, он вывесил ее из окна, всем на обозрение. А еще он выбрал не обычную, ничем не примечательную девушку, он убил жену судьи. Изнасиловал ее и убил с излишней жестокостью.

— Обычно излишества означают ярость, — тихо говорю я, обдумывая ситуацию.

— Мне кажется, что излишества были больше заявлением, чем яростью. Думаю, что он хотел сделать чертово заявление для ФБР. Ты права в том, что он наслаждается вниманием. Он хочет большего, поскольку переходит к эксгибиционизму.

— И он собирается прийти за Логаном.

— Да и нет.

— Что это значит? — спрашиваю я. Я подхожу к заднему окну на кухне. Мне показалось, что я только что услышала машину.

— Тут нечто большее. Тело, которое он вывесил в окно, было обнаженным. На ее груди было вырезано слово «Бугимен». И еще одно имя... Логан Беннетт.

Мою грудь сжимает, и я опускаюсь на стул. Я знала, что он сделает это. Я знала, что он захочет Логана.

— Они уверены, что это он? Не подражатель?

— Некоторые вещи, которые не были обнародованы, бесспорно подтверждают, что это он. На этот раз, чтобы не было никаких сомнений, парень оставил свою ДНК.

— И теперь он нацелился на Логана. Мы должны найти его, прежде чем он доберется до него.

— Собственно к этому я и веду. Он придет за твоим агентом, но для этого ему нужно будет использовать прокси-сервер. Он захочет издеваться и мучить Логана. Еще несколько тел будут найдены с этой визитной карточкой, прежде чем он сделает свой ход. За кем придет сексуальный садист, чтобы по-настоящему зацепить мужчину?

Мне требуется секунда, чтобы поймать его ход мыслей, но когда я это делаю, злая улыбка появляется моих губах.

— За его девушкой.

— Именно. Уверена, что справишься? Он не такой, как парни, за которыми ты охотилась раньше, Лана. Этот парень — реальный псих и не пожалеет тебя.

— Парни, которых я убиваю, не были мягкими и пушистыми... не были, Джейк. Ты знаешь это. Они убили бы меня не задумываясь, если бы у них был шанс и они бы знали, что я еще жива. И да. Я могу справиться с Бугименом. Даже у монстра есть кошмары. Кошмаром этого монстра буду я.

Он тяжело выдыхает, оценивая серьезность ситуации.

— Его МО (*прим.: Модус операнди — латинская фраза, которая обычно переводится как «образ действия».* Данная фраза используется в юриспруденции для описания способа

совершения преступления. В криминологии же служит одним из методов составления психологического профиля преступника) включает взлом дома. Он молниеносно нападает на женщину, используя грубую физическую силу, и используя эффект неожиданности. Он бьет и душит их, пока жертва не теряет сознание.

— Я в курсе, — сообщаю ему.

— Он лишает их зрения, Лана. Вокруг тебя постоянно должна быть охрана.

— Я хочу, чтобы он нанес пару ударов, — говорю я, пихая фрукты в соковыжималку. — Все должно выглядеть правдоподобно.

— Это чертовски рискованно. Думаю, что я должен установить наблюдение за твоим домом.

— Нет. Не смей. Если кто-нибудь взломает...

— Точно. Блять! Тогда позволь мне остаться с тобой.

— И как я объясню эту ситуацию Логану, если он снова неожиданно придет? Знаешь, что в итоге произойдет? Есть причина, по которой ты уже три года катаешься на инвалидной коляске — делай это дома.

Он стонет, и я включаю соковыжималку, снова выглядывая в окно. Логан как будто слышит, что я говорю о нем. Джейк продолжает свои убеждения.

— Верно. Тогда я придумаю что-то еще.

В этот момент приходит общение.

Логан: Проблемы с Бугименом. Позвоню позже.

Я: Хорошо. Пожалуйста, будь осторожен.

Логан: Всегда, красавица.

— Ты переписываешься с ним, пока разговариваешь со мной? — раздраженно спрашивает Джейк.

— Чуть-чуть.

Я снова смотрю в окно, и на этот раз я вижу машину и мерцающий красный свет, прежде чем она скрывается за углом.

— Мне нужно идти, — шепчу я Джейку, отключаясь прежде, чем он что-то скажет.

Я выключаю свой телефон и бросаю его на стойку. Вытаскивая один из пистолетов, я щелкаю предохранителем и медленно направляюсь ко входу.

Раздается стук в дверь, и я расслабляюсь. Очень сомнительно, что Бугимен вежливо постучит, прежде чем схватить меня за горло.

Я смотрю в глазок и вижу на своих ступеньках симпатичную рыженькую девушку. Я быстро надеваю пару джинс, которые висят на спинке дивана, и смотрюсь в зеркало. Затем сую пистолет за пояс и открываю дверь, прислонившись к ней так, чтобы пресечь любые попытки попасть в дом.

— Если вы здесь для того, чтобы проповедовать, значит ваша работа выполнена. Если вы здесь, чтобы продать мне что-нибудь, не тратьте время и уходите. Я покупаюсь онлайн. Если вы здесь, чтобы...

— Я — Хэдли Грейс, — говорит она, перебивая меня.

Ее имя звучит очень знакомо, но я не уверена, откуда знаю его.

— Ладно, — пожимаю я плечами, давая ей понять, что это имя ничего для меня не значит.

— Логан Беннетт — мой босс.

Я удивлена.

— Разве вы не должны находиться в Вашингтоне? Слышала, что Бугимен оставил еще одно тело.

Ее глаза расширяются от удивления. Она быстро достает телефон из кармана, ругаясь про себя. Найдя на нем информацию, она пробегает по ней глазами.

— Я быстро, — сообщает она мне, протягивая мне файл.

Когда я открываю протянутый мне файл, моя кровь стынет в жилах. Я понимаю, что мои худшие кошмары оживают.

— Точнее, мне нужно, чтобы ты ответила быстро, — говорит она. — Скажи мне, почему, черт возьми, ты украла личность мертвой девушки?

Больше книг на сайте - Knigoed.net